

ЗВЕЗДА РУНЕТА

Анна Джейн
СЕВЕРНАЯ
КОРОНА
По звездам

АСТ представляет:

самая популярная рукопись Рунета теперь в виде книги

Звезда Рунета

Анна Джейн

Северная Корона. По звездам

«АСТ»

2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Джейн А.

Северная Корона. По звездам / А. Джейн — «АСТ»,
2015 — (Звезда Рунета)

ISBN 978-5-457-93482-5

Что может подарить любовь? Принятие. Марте – талантливой скрипачке, тяжело принять свои чувства к жениху сестры. И еще тяжелее заглушить их, чтобы никто и никогда не узнал о ее запретной любви. Поможет ли ей в этом музыка? Ожидание. Уже два года Ника ждет того, кто оставил ее, забрав сердце и взамен оставив кольцо, ставшее ее персональной Северной Коронай – венцом Ариадны, покинутой Тесеем. Но не напрасна ли надежда Ники или она давно стала мечтой? Доверие. Прошлые Саше не дает ему поверить в то, что любимая девушка сможет принять его таким, какой он есть. Или ему нужно до конца жизни скрывать то, что он однажды совершил? Спасение. Смогут ли истинные чувства победить желание мести, которую планирует Никита? А способна ли любовь подарить счастье? И стоит ли идти по звездам?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-457-93482-5

© Джейн А., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

Пролог	6
Часть первая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Анна Джейн

Северная корона. По звездам

Марии Баяндиной – за ее искреннюю поддержку и веру в героев

© Анна Джейн, текст

© ООО «Издательство АСТ»

Пролог Allegro deciso

С велением богов нам спорить не по силам.

Долг смертных – принимать, что властный рок судил им.

Жан Расин

Июнь

Ровно посредине черно-белой цветочной поляны, над которой светило тусклое солнце, вырезанное из газетных обрывков, находилась серая фигура, принадлежащая молодому светловолосому человеку. Он, согнув ноги и опустив на колени локти с закатанными рукавами рубашки, сидел совершенно неподвижно, уставившись немигающим взглядом в одну точку – на застывший в своем цветении нераспустившийся бутон высокого цветка.

Парень не шевелился, не совершал не единого движения, но усиленно думал о чем-то, и его мысли в виде букв, вырезанных все из той же мятой бумаги, вылетали из головы и неспешно плыли по светло-серому мутному небу без облаков.

«Никого. У меня никого не осталось. И ничего не осталось – только воспоминания. Кому они нужны, эти воспоминания? Даже мне они не нужны. Глупая ноша. И сбросить нельзя. Так и придется таскать ее за собой всю оставшуюся жизнь.

Интересно, а сколько мне осталось? Чем меньше, тем лучше. Тем легче.

Глупая судьба. Почему именно у меня она такая? Почему я? Что я сделал не так? Какого черта?!»

– Большого и косого, – раздался в угнетающей тишине мужской глубокий и твердый голос, искаженный едва слышным, доносящимся издалека визгливым смехом. Позади молодого человека неожиданно появился мужской силуэт, закутанный в длинный, доходящий до пят плащ.

– А? – от неожиданности вздрогнул парень и резко поднял голову. – Брат?

– Нет, олень, это троюродный дядя дедушки апельсина.

– Андрей, это ты? – потрясенно повторил светловолосый, вскакивая с земли. Человек в плаще стоял к нему спиной, но парень не сомневался, что перед ним его старший брат.

– Я сотни раз спрашивал сам у себя, почему у меня такой тупой братишка, но так и не получил ответа. Наверное, это философский вопрос, – со смешком в голосе отозвался тот, кого звали Андреем. Или когда-то звали Андреем.

По черно-белой поляне пронесся слабый ветерок, покачнув все цветы, кроме того, с высоким стеблем, на который смотрел молодой человек, когда сидел на земле, погруженный в свои думы.

– Я тут слышал, ты на судьбу сетуешь, придурок. Орешь на всю Вселенную. Давай, малыш, собери остатки силы воли в кулак, вставай и делай что-нибудь. Иди против ветра, Никита, – почти ласково сказал человек в плаще. Он как будто не замечал удивления на лице младшего брата, смешанного с детским потрясением и гневной обидой.

– Эй, зачем ты пришел?! – вплотную подбежал к нему парень, тяжело дыша. – Тебе помочь? Ты как? Что с тобой? Отвечай, твою мать!

Как только Никита приблизился к брату, то почувствовал холод, исходящий от него. Ему даже показалось, что он увидел этот холод – едва заметный, с синеватым оттенком. Словно поняв это, человек в плаще исчез и в ту же секунду появился в паре метров от парня, вновь стоя спиной.

– Вернись!

– Эй, потише, мелкий, я ведь могу и рассердиться, – впустив в голос нотку раздражения, сказал тот, кого звали Андреем, однако его голос все же оставался веселым. – Проявляй уважение к старшим, если ценишь целые кости.

– Что с тобой случилось?! Где ты? – вновь подбежал к брату Никита, понимая, что то, как колотится его сердце – ненормально. Видимо, целые кости были у него не в почете. Но Андрей вновь исчез и появился за его спиной. Никита все так же не мог видеть его лица. А холодный ветер все только усиливался, заставляя бумажное газетное солнце трепетать в своих порывах не хуже цветков на земле.

– Куда ты все время уходишь! – прокричал обиженный и испуганный Никита. – Стой! Хватит убежать!

Хотя Андрей не мог видеть его глаз, в которых впервые за много-много лет сосуды расширились и покраснели из-за появившихся и ярко сдерживаемых слез, он по-доброму и как-то печально рассмеялся. Раньше он делал это крайне редко.

Визгливое хихиканье на заднем плане нехотя исчезло, чтобы появиться через несколько минут.

– Обидно, да? Тебе не суждено меня догнать, – приложил ладонь, обтянутую перчаткой, ко лбу Андрей.

Игра в догонялки продолжалась еще несколько минут. Как бы Никита ни старался, поймать человека в плаще он не смог. Только искренне веселил. А ноги его все больше и больше делались ватными, замедляя скорость передвижения, что не могло не злить. От этого коктейля бессилия и злости Никита даже закричал, вызвав взрыв хохота у брата.

– Ну, пока, любитель салочек. Ты меня ими и в детстве напрягал. Вырос – и не изменился. Печально. Прощай. И знаешь что? Иди против ветра, – почти ласково повторил Андрей, подумал немного и добавил: – Я тут слышал прикол – бог дает столько испытаний, сколько человек может выдержать. То, чего человек не выдержит, Бог ему и не предложит. Не разрушай Богу систему. Перестань ныть и уже вали против ветра, олень!

Ветер стал невыносимым и бил Никиту по лицу с дьявольской радостью. Визгливый смех, сопровождающий его, зазвучал громче.

– Опять ты уходишь, – со злостью прошептал парень в спину брату. – Вы все уходите.

– Ты один раз тоже ушел, – справедливо заметил едва слышным голосом тот, не совершая шагов, но необъяснимо отдаляясь от Никиты. – Однако ты вернуться можешь, а я – нет.

– Не уходи! Стой!

Андрей вдруг послушно замер и все же повернулся в полуанфас, и Никите стало необъяснимо страшно, как загнанному в стойло животному, почуявшему несущее смерть землетрясение. Лицо старшего брата было бледным, будто облитым воском, только вот карие прищуренные глаза продолжали смеяться.

Противное хихиканье стало еще громче и резало слух совсем уж откровенно.

– Заткнись, – зло сказал смеху Андрей и исчез.

– Вернись!

– Против... просто иди, – прошептал ветер в спину Никите и тоже умчался. На том месте, где только что был старший брат, появилась небольшая черная лужа, которая все разрасталась и разрасталась. Миг – и Никита обнаружил, что стоит у берега идеально круглого озера, от которого исходит тот же терпкий недобрый синеватый холод, что и от Андрея. Ему казалось, что старший брат отправился туда, в непрозрачную воду, от близости которой кружилась голова.

Там, он скрывается там! Оттуда его можно будет вытащить! Забрать силой. Помочь!

Не долго думая, Никита сделал несколько шагов по направлению к озеру с твердыми намерениями помочь Андрею выбраться из вечного холода, и через пару секунд уже без-

вольно погрузился под ледяную воду с головой, перестав дышать. Никто не мог сопротивляться этому озеру. И кто сказал, что в нем была лишь обычная вода?

«Храбрый недоумок, – поплыли по небу чьи-то фиолетовые расплывчатые мысли, – куда полез, щенок! Вернись назад!»

«Дерзкий поступок! – Яркие буквы цвета морской волны взвились над горизонтом, они явно выражали ободрение. – Смелый мальчик. Пусть получит подарок за чистые помыслы и смелость».

Неведомая сила выбросила переставшего дышать Никиту из воды на берег, и над ним, на потемневшем и ставшим темно-синим небе, уничтожив бумажное помятое солнце, вспыхнули яркие звезды. Они образовали полукруглый венец, всполохами переливаясь и сияя, а потом, одна за другой, под предводительством Геммы, самой яркой из них, заскользили по воздуху вниз, к груди Никиты.

Осторожно, одна за другой, звезды вошли в его сердце, запечатлев в нем рисунок Северной Короны.

Никита открыл глаза и резко сел в кровати.

Он проснулся, словно от удара по голове. Правая рука быстро нащупала рукоять ножа у изголовья в зазоре между спинкой дивана и матрасом – привычками разбрасываться Ник не мог да и не желал. Оружие всегда было при нем, и в каждой новой квартире парень имел обычай равномерно распределять его по всем комнатам, чтобы оно находилось в зоне досягаемости. Да и не зря Март говорил, что холодное оружие в кровати оберегает от дурных снов, особенно если клинок отлично, до зеркального блеска, отполирован. Тогда злые духи видят свои жуткие отражения в нем и пугаются, оставляя человека и его сны в покое. Правда, поверья гласили, что лучше всего хранить нож под подушкой, но с этим Андрей, а следом за ним и Ник были не согласны. Слишком много лишних секунд пройдет в случае реальной угрозы, пока будешь доставать оттуда свой нож. Да и опасность порезаться существует – по крайней мере Андрей всегда издевательски намекал младшему брату, что его руки не настолько прямые и ловкие, чтобы однажды не наткнуться на острое клинка, спрятанного под подушкой.

Нож в руке успокаивающе подействовал на Ника. Дыхание его до сих пор оставалось прерывистым, словно он пробежал несколько кругов на спортивной площадке. А там, где билось сердце, было холодно и вязко, словно его, сердце, только что макнули во что-то мокрое, терпкое и ледяное.

Парень и сам не понял, отчего так резко подорвался и почему так жутко себя чувствует. Никогда раньше он не просыпался непонятно от чего, без видимой или слышимой причины. Осторожного и внимательного Никиту мог разбудить любой, даже самый незначительный шум, но сейчас было абсолютно тихо. Даже на улице не слышно было ни шороха. И никаких кошмаров ему вроде бы и не снилось. Ему вообще в последние месяцы почти ничего не являлось во сне: ни хорошее, ни плохое.

Да, Ник Кларский справедливо полагал, что раз наутро он ничего не помнит, то ночью ему ничего и не снится. Усмехаясь сам над собой, считал, что, наверное, нож в кровати все же помогает ему избавиться от снов. Но сейчас, как и всегда, он просто забыл свои черно-белые газетные сновидения.

Парень, приказав сердцу войти в свой обычный ритм, несколько раз глубоко вдохнул, встал с кровати, неспешно подошел к окну и распахнул его, впустив в комнату поток свежего ночного воздуха, который тут же окутал его обнаженный крепкий торс. Сон свой он, естественно, так и не вспомнил, вот только отчего-то перед его внутренним взором стоял образ старшего брата. Ник попытался выкинуть его из головы, но не смог: против Андрея он всегда был бессильным. Ухмыляющийся довольный Март постоянно смотрел на Никиту из подсознания. Сейчас, например, память подкинула его в образе почти шестилетней дав-

ности, когда Андрей узнал, что его братишка сам поступил в государственный университет на престижную специальность экономического факультета. Следом за ним в светловолосой коротко стриженной голове появились и другие лица из прошлого, которое никак не хотелось забываться.

До самого рассвета – сегодня яркого, игривого, темно-оранжевой бархатной каймой застывшего на краях быстрых рваных облаков – Никита просидел на подоконнике у открытого окна, отгоняя и отгоняя непрощенные воспоминания и полузабытые лица. Знакомые, подельники, враги. Умершие родственники, старший брат, единственный друг, первая любовь. Все они теребили память как заведенные, не желая успокоиться, и каждый из них шептал что-то свое.

Чем больше лиц мелькало в воображении, тем сильнее становился издевательский ветер на улице. Ник находился на восьмом этаже и мог сполна почувствовать всю силу быстрого и порывистого дыхания июньского утреннего воздуха.

– Иди против ветра, – задумчиво сам себе сказал Кларский и сам же себя обозвал клиническим психом. Молодой человек нервно постучал пальцами по подоконнику, куда случайно попали первые томные солнечные лучи. Что-то продолжало его беспокоить – то, что казалось очень важным, но никак не желало выплывать из потайных глубин памяти.

А последнее лицо, что он вспомнил, было симпатично-задорным, голубоглазым и окаймленным светлыми, едва достигающими плеч волосами, на одной из развевающихся прядей которых сидела золотая бабочка. Она вдруг сделалась изумрудной, а потом стала переливаться сверкающим серебром.

Девушка, на волосах которой сидела эта невероятная бабочка, мило улыбнулась Никите, и он не смог отвести взгляда от ее губ – малиновых, приоткрытых, очень и очень привлекательных. Молодой человек протянул вперед руку и коснулся этих губ кончиками пальцев, заставив их обладательницу засмеяться.

«Помнишь, что я тебе сказал?» – спросил мысленно Ник, глядя на девушку, не мигая и зная, что она понимает его без слов. – *«Я сказал тебе, что я вернусь. Помнишь?»*

Она молчала, осторожно глядя его по вытянутой напряженной руке.

«Так ты помнишь или нет?» – начал сердиться парень.

Ответа все не было – девушка с бабочкой на волосах продолжала гладить его руку: нежно, но не настойчиво, а осторожно, рассматривая его лицо как картину.

«Смотреть будешь или отвечать?» – сощурился Кларский и резко, неожиданно и даже немного грубовато прижал девушку к себе, одной рукой обняв за талию, а другой приподняв ее заостренный гордый подбородок и проведя по ее вишневым, мигом плотно сомкнувшимся губам своими, в предвкушении чего-то большего.

«Ответишь ты мне или нет? Пожалеешь ведь, если будешь играть в молчанку», – со злым удовольствием целуя напряженную, испуганную светловолосую девушку в щеку и в уголок губ, вновь мысленно сказал Никита. Она продолжала упрямо молчать, и это раззадорило его. Ник еще крепче, почти до боли прижал непослушную девчонку к себе, и, властно заглянув ей в голубые глаза, надавил большим и указательным пальцами на ее бледные щеки, заставив малиновый, как у куколки, ротик раскрыться.

«Я же сказал», – с удовольствием опустил он ладонь чуть ниже и принялся целовать непослушную нахалку, наслаждаясь ее страхом и своей силой.

Поначалу девушка сопротивлялась, но затем сделалась покорной – не только позволяла целовать себя, но и отвечала сама, обняв Никиту за плечи.

«Дурак», – вдруг мысленно сказала ему девушка и, чуть отстраняясь, укусила Кларского за мочку уха. Глаза ее смеялись. Ей не было страшно – она лишь прикидывалась.

Прежде чем прийти в ярость от такого неповиновения, Ник открыл глаза. Он со злостью понял, что опять умудрился заснуть, уже сидя на подоконнике. К тому же он запомнил

сон – парню до сих пор казалось, что он целует ту непослушную девчонку, которая посмела его обозвать. Пульс его участился – тело сон тоже отлично помнило и требовало продолжение банкета, только уже наяву. Девушек у Ника не было уже достаточно долго, чтобы это самое тело начало бунтовать.

– Приснилась же, – чертыхнулся негромко Кларский, выравнивая дыхание.

Ника даже во сне умудрялась вывести Никиту из равновесия.

Парень потянулся и, не закрывая окна, из которого теперь дул ставший еще более прохладным ветер, опустился на пол, так и не подумав надеть футболку. Отжимания всегда помогали ему сосредоточиться.

Этим утром Никита Кларский принял очень важное для себя решение. Для начала он сделал несколько телефонных звонков – в том числе тем, с кем давно, очень давно не связывался, а спустя пару недель, довольный результатами, заказал через Интернет билеты в город, в котором не был почти ровно три года. План, вынашиваемый им уже долгое время, грозился быть осуществленным.

Ведь он все-таки обещал вернуться.

Может быть, мстить, а может быть...

Солнце на востоке начало светить чересчур ярко.

Часть первая Adagio con dolcezza

*Смелым помогает Судьба.
Публий Вергилий Марон*

Год назад, сентябрь – декабрь

Ника сидела в темном кинотеатре и, украдкой зевая, глядела вперед, на огромный экран, на котором бегали взад-вперед и что-то при этом задорно пели мультяшные герои, изображенные лучшими художниками-мультипликаторами мира. Известная анимационная студия выпустила новый мультфильм, посвященный приключениям древнегреческого героя Тесея под незамысловатым названием «Тесей и Минотавр». Естественно, события в нем были перевратными и приукрашенными, а сам Тесей выглядел полнейшим болваном, обладающим огромной силой – невнятной и не поддающейся объяснению, смелостью, мрачностью, безразличием ко всему на свете и лишь зачатками мозга, и то, кажется, спинного, однако популярность мультфильма была очень высока.

Ника устало сняла 3D-очки – они все же слегка раздражали ее, да и чувствительные глаза быстро уставали. К тому же герои, плывущие на Крит, чтобы расправиться с Минотавром, не совершали ничего важного, а весело и дружно пели очередную песенку, танцуя на палубе судна что-то среднее между румбой и гопаком, заставляя морскую живность удивленно тарачиться на дурачков, а саму девушку зевать.

– Эй, тебе не нравится, что ли? – толкнула Нику в бок рядом сидящая с ней девушка с очень длинными и слегка волнистыми светло-русыми волосами. Именно она и затащила Нику в кинотеатр, хотя та с большим удовольствием сходила бы на отвязную комедию. Ну или хотя бы на психологический триллер.

– Не очень, – пожала плечами та. – Мы еще и половины не посмотрели.

– Ты просто очень злая, поэтому и не любишь мультики, – вынесла вердикт блондинка и вновь уставилась в экран.

– Ну а ты у нас сама доброта, – пробурчала Ника.

Рядом с ней сидела ее двоюродная сестра и одновременно хорошая подруга со слегка экзотическим именем Марта, которая в отличие от Ники смотрела новую сказку с большим интересом. Марта вообще любила все легкое, воздушное и смешное в кинематографе. Фильм «Тесей и минотавр» исключением не стал. Особенно ей понравился момент, когда ленивого и явно придурочного Тесея чуть ли не всеми Афинами на коленях умоляли поехать на Крит, дабы тот разобрался с тамошним царем Миносом, требовавшим от Афин ежегодно дань в размере семи человек. Эти семь человек были предназначены в жертву чудовищу Минотавру, проживающему в лабиринте, и только невероятно сильный Тесей мог расправиться с ним. Однако бездушному и обладающему черным юмором царскому сынку Тесею все это было пофигу. Его приемный человеческий отец Эгей только и рад был потакать желаниям единственного отпрыска и всячески его покрывал.

Ника на все это смотрела со здоровым скептицизмом – подобные личности не то что в мультиках, в жизни ей не нравились. Она искренне полагала, что мужчина должен быть смелым и сильным – в первую очередь духовно, а не физически. Кажется, те времена, когда она ценила в первую очередь внешние эффектные данные, прошли.

«О Боже, я старею», – подумала про себя Ника, когда впервые поймала себя на этой мысли.

Мультфильм продолжался. Сначала сумрачный любитель прожигать жизнь Тесей ни в какую не соглашался на разборку с Миносом, прятался от просителей, мечтал эмигрировать куда-нибудь в Фивы или даже в Спарту, и только гнев его настоящего, божественного папочки Посейдона, решившего, что пора бы уже сделать из сыночка настоящего мужчину, заставил так называемого героя взойти на корабль и вместе с совершенно невнятной морской командой тронуться в путь.

Глядя на то, как ненавидящего весь мир Тесеюшку умоляют пойти сражаться, Марта по-детски весело смеялась, а вот Ника же лишь смиренно качала головой. Ей, как любительнице древней мифологии в общем и древнегреческой в частности, было за Тесея как-то обидно. Да и то, что куча фактов была перевернута с ног на голову – тоже. К примеру, ее раззадорило даже то, что венец под названием Северная Корона в мультике Тесей получил не тогда, когда должен был, доказывая свое родство с богом морей Посейдоном, храбро нырнуть в море, дабы найти там кольцо ехидного Миноса и получить венец от Амфитриты. А когда спас по своей дурости странноватого вида nereиду.

Правда, создатели мультипликационного фильма почти не отошли от правильной любовной линии истории. Как и полагается, соперником в любви Тесея был сам бог Дионис, изображенный, кстати говоря, куда более адекватно, чем главный герой. Придурковатости в нем не было, только лучезарный юмор и жесткая хитрость, да и нарисован он был вполне симпатично. Минос хотел женить дочь Ариадну на Дионисе, который, влюбившись в девушку, спустился с Олимпа в виде не бога, а человека. Ариадна была согласна с волей отца, пока не повстречала Тесея. Естественно, просто так познакомиться они не могли, и их занимательная встреча произошла на рынке, где дурачок из Греции упал критской барышне прямо на голову, разозлив до колик в желудке. Там же он ее и обвинил, мол, она сама виновата, что ходит там, где он имеет честь падать.

– Классно снято? – спросила оживленная Марта у Ники.

– Ага, очень, – отозвалась та, лениво поедая попкорн. То, как Ариадна бесила Тесея и наоборот, стало вдруг ей очень знакомо. Когда-то давно один мрачный тип тоже ее сильно раздражал. И, кажется, этот тип чем-то неуловимо похож на этого самого Тесея. По крайней мере он такой же сильный и неразговорчиво-хмурый. Только совсем не герой...

Каким-то немыслимым образом, умудрившись сто раз поругаться и обсмеять друг друга, Тесей и Ариадна – о ужас! – влюбились. И девушка решила помочь любимому не заплутать в лабиринте, тайно от отца вручив ему волшебную нить. А когда Тесей расправился с чудовищем Минотавром, оказавшимся, кстати, вполне дружелюбным и очень одиноким, а поэтому нуждающимся в любви и ласке, то он украл Ариадну, у которой вот-вот должна была состояться свадьба с Дионисом. И повез ее на своем корабле домой. Минотавр, а также безумный ученый Дедал и куча новых персонажей поплыли с ними. Минотавр, кстати, к пропаже людей причастен не был – кто-то другой убивал их в лабиринте, а все обвиняли его, бедняжку. Этого кого-то Тесей изрядно ранил, но чудовище сумело убежать, пригрозив, что вернется и устроит вселенскую разборку.

Парочка счастливо поплыла в Грецию под покровом ночи, однако бог Дионис идиотом не был, прознал обо всем, пожаловался папе Зевсу, тот споро провел переговоры с богинями Судьбы – мойрами, и они явились к Тесею, нагло заявив, что его судьба – быть не с Ариадной, ибо она предназначена самому Дионису, а с ее сестрицей Федрой. Тесей покорился их воле, оставил спящую и ни о чем не подозревающую Ариадну на каком-то островке, не забыв подарить ей венец Северной Короны, и поплыл домой, раздираемый своей пылкой любовью и покаянием судьбе.

Глядя на то, как послушный дурила Тесей, скрепя сердце, оставляет возлюбленную, Нике вдруг сделалось грустно. В голову ее пришли не самые хорошие мысли, от которых девушка усердно пряталась, но которые все равно время от времени настигали ее.

«И почему Тесей послушал богинь Судьбы и оставил свою Ариадну? Зачем решил подчиниться воле богов? Почему решил, что если он оставит ту, которую любит, и покорится судьбе, то будет счастлив?» – с некоторой горечью, впрочем, уже старой, въевшейся в сознание, думала Ника. Она часто перечитывала древнегреческие мифы, и всякий раз, когда читала легенду об Тесее и Ариадне, испытывала подобные чувства. Ей казалось, что она отлично понимает Ариадну, которую оставил возлюбленный.

Дважды в жизни Ники было так, что люди, которых она искренне любила, уезжали, бросив ее одну.

Почти пять лет назад это сделал Саша, ее первая настоящая любовь, человек, от одного вида которого у Ники срывало не только голову, но и разум отбивало начисто. Он был ее первым мальчиком и первым, кто дал ей почувствовать, что такое настоящая (по мнению самой Ники) любовь.

А чуть больше двух лет назад то же самое проделал и тип по имени Никита, который ассоциировался у Ники с Тесеем. От него голову у Ники не срывало, только крышу трясло от злости – поначалу он ее бесил со страшной силой, а потом еще и начал пугать. Никита Кларский оказался не простым мальчиком и даже не обычным гопником, а братом криминального авторитета, грубым мерзким хамом без чувства юмора и с начисто отбитой репой. К тому же их почти одинаково звали, да и фамилии обоих не подкачали: Кларский и Карлова. Не зря однажды один чересчур умный полицейский в отделении милиции обозвал их Карлом и Кларой. Теми самими, которые украли кораллы и кларнет.

Но потом, во время их вынужденного общения, когда Ник и Ника притворялись парой, девушка поняла, что все больше и больше привязывается к этому безнадёжному типу, старающемуся быть похожим не на гоп-стопника из подворотни, а на неброского правильного мажорика. Нике казалось, что истинное «я» Кларского знает только она сама.

После того как Саша уехал в другой город, где нашел новую девушку, Ника, погоревав полгода, стала активно искать ему замену, развлекаться, пытаться жить ярко и весело, в общем, делать все, чтобы не вспоминать Александра. И у нее со временем получилось забыть его, хотя обида, конечно, осталась. Семь месяцев красивых отношений, признания, подарки, бессонные ночи были перечеркнуты двумя красными линиями после того, как Сашка, даже не попрощавшись, уехал, а после по эсэмэс сообщил, что нашел другую.

Однако его забыть она все же смогла. А вот Никиту – нет.

Когда он оставил Нику, веселиться и искать ему замену ей не хотелось. Девушка тогда желала только одного – лежать в своей кровати, укрывшись с головой одеялом, и ни о чем не думать. Прошло уже больше двух лет, а Ника никак не могла перестать думать о своем далеком от идеала любимом по фамилии Кларский. И хотя их отношения можно было назвать лишь игрой, и было в них всего лишь пара поцелуев и вынужденных объятий, рана в душе Ники была очень глубокой.

Если у Саши в руках был быстрый нож-флиппер, то у Ника – острый мясницкий тесак.

Надо же, тогда, в квартире, где они прятались от полиции той жуткой ночью, когда были арестованы брат Ника и члены его группировки, она считала, что все происходящее чем-то похоже на игру, которая обязательно завершится хэппи-эндом. И что светловолосый нахал будет с ней, и что они по-своему, но будут счастливы, и что это так прикольно – иметь такого парня, как Кларский, – ведь никто ее тогда даже и не обидит, но... ничего этого так и не произошло. Им не суждено было быть вместе. Как бы пафосно это ни звучало, зато правдиво. Кстати, именно там, в квартире, где они прятались, когда Ника рисовала портрет Ника, она окончательно поняла, что Кларский ей дорог.

Девушка думала, что будет держать за руку своего Никиту, а в результате в ее ладонях оказался лишь июльский пух да его зажигалка. А еще на ее шее осталось красивое кольцо из белого золота, в котором она была на благотворительном вечере. Этаким эквивалент мифи-

ческой Северной Короны, оставленной Тесеем в качестве подарка своей Ариадне. В ней она выходила замуж за Диониса.

А может быть, это она, Ника, виновата, что не смогла уговорить Никиту взять ее с собой, не смогла догнать его, не смогла вовремя выбежать? Это... она виновата? Или он? Или во всем виновата штука под названием судьба?

Чушь, такого не может быть. Человек сам выбирает свой путь, а не полагается на какой-то фатум. Кажется, Никита Кларский считал по-другому. Он в судьбу верил. А верит ли до сих пор?

С этими мыслями, под очередную заводную песню героев мультфильма Ника незаметно для себя уснула. Финал мультика она благополучно пропустила и была разбужена сестрой только после того, как по экрану поплыли веселые субтитры.

– Ну как тебе? – спросила довольная до жути Марта, когда они с сестрой выходили из зала кинотеатра.

– Средненько, – отвечала выпавшаяся и объевшаяся поп-корна Ника. – Тесей – махровый дурак. Ариадна тоже неадекватная, влюбилась в черт знает кого. Минотавр похож на латентного гомосексуалиста. Один Дионис более-менее адекватный пацан.

– Ты же до конца не досмотрела! – возмутилась Марта. Она, романтично-доверчивая душа, была от мультика под впечатлением. – Там было все очень романтично!

– Ты со своей романтичностью допрыгаешься, – пригрозила ей Ника. Она прекрасно знала, что у Марты слишком идеалистические представления о мире. К тому же Марта была младше Ники. Она училась на втором курсе государственной консерватории имени С.С. Прокофьева, по классу скрипки, а вот Ника этим летом уже закончила университет и с начала осени работала в фирме друга своего отца, такого же любителя рыбалки, как и он сам.

А сегодня, сентябрьским воскресным днем, Ника поддалась уговорам прилипчивой сестренки и пошла вместе с ней в кинотеатр, располагающейся в модном торговом комплексе «Рай».

Девушки спустились вниз по эскалатору на первый этаж, болтая, прошли мимо многочисленных бутиков и фирменных магазинчиков, не забыв заглянуть в некоторые из них и посмотреть модные вещицы, а после оказались на улице, на огромном широченном крыльце. Прямо перед ними простиралась переполненная автостоянка, а справа находился вход в дорогой ресторан с претенциозным названием «Милсдарь», выполненный в дореволюционном роскошном стиле и в своем обширном меню имеющий лучшие блюда русской кухни.

– Ты там была? – спросила Марта Нику, попросив ее остановиться, чтобы найти в большой объемной сумке мобильник. Тот никак не мог отыскаться. У Марты вообще частенько терялись вещи, ломалась техника или происходили другие забавные для всех (но не для нее) казусы. Она могла, задумавшись о своем, перейти дорогу на красный, перепутать автобусы, опоздать на часик-другой или приготовиться не к тому экзамену. Наверное, кому-то другому подобные дела не сошли бы с рук, но только не Марте – она, сама зачастую этого не осознавая, могла быть очень очаровательной и по-светлому обаятельной девушкой, на которую нельзя было долго сердиться. К тому же многие знали, что Марта – личность творческая, потому часто витающая в каких-то своих мирах, и прощали ей ее маленькие недостатки.

– Не-а. Кто меня туда поведет? – пожала плечами Ника. О ценах в этом местечке она была только наслышана. – Ты там нашла свой мобильник?

– Почти. Сейчас...

Пока Марта копалась в сумке, мимо девушек пронесся явно дорогой «БМВ» металлического горделивого цвета и припарковался на свободном месте около ресторана «Милсдарь». Из автомобиля неспешно вылез высокий подтянутый молодой человек в черных очках и с темными, почти черными волосами, которые в контрасте с довольно бледной кожей

придавали всему его облику аристократический небрежный шарм. Брюнет небрежно поставил машину на сигнализацию и повернулся к дороге, словно ждал кого-то.

– Смотри, какой парень, – восхищенно прошептала Марта, найдя, наконец, свой телефон в сиреновом с цветочками чехле. Ей даже показалось на миг, что около «БМВ» стоит, скрестив ноги, какой-то актер – лицо, сокрытое солнцезащитными очками, на миг показалось знакомым.

Ника лишь пожала плечами. На парня она взглянула только мельком и без всякого интереса. Может быть, если бы она пригляделась к брюнету, то быстренько сделала бы отсюда ноги, и ничего не случилось, но отстраненность слегка навредила девушке. Или, может быть, наоборот, помогла.

– А я блондинов люблю, – беспечно отозвалась Ника.

На самом деле она любила не всех светловолосых мужчин, а, кажется, только одного, но вот что с ним и где он, девушка понятия не имела. Ник умчался в даль июльского утра, и больше Ника ничего не слышала о нем.

Многие удивлялись, когда узнавали, что Карлова никем не занята и ни с кем не встречается, – девушкой она была симпатичной, веселой и компанейской. Многочисленным подружкам и знакомым она говорила с улыбкой, что пока не нашла парня, с которым хочет быть вместе, маме и родственникам – что выходить замуж до тридцати не планирует и желает пожить в свое удовольствие, и только лишь сама себе отдавала отчет в том, что не может ни на физическом, ни на психологическом уровне быть с кем-то, кроме этого Кларского, будь он трижды неладен.

Она пробовала встречаться с парнями. Но каждого из них сравнивала в душе с Укропом, и они постоянно проигрывали ему, как будто бы он всех их подговорил!

– Глупо определять, кто тебе нравится, только по цвету волос, – наставительно заметила Марта, все так же роясь в своей сумочке.

– Я еще и на цвет глаз смотрю, – хмыкнула Ника.

У Никиты глаза были серые, холодные, кажущиеся замерзшим льдом, внимательные и не слишком любезные. У него, если честно, вообще было много недостатков, но, как поняла потом девушка, все они были ей по вкусу. Наверное, она чертова мазохистка.

– Что ты опять ищешь?

– Наушники. Подержи телефон.

Карлова не замечала, что молодой человек, вылезший из машины, в упор смотрит на нее. Марта по причине невнимательности и не слишком хорошего зрения, которое даже в линзах было далеким от стопроцентного, – тоже. Девушки, не особо торопясь, спустились по крыльцу и так же неспешно двинулись в сторону парка, который все еще мог похвастаться как вполне сочной зеленью, так и многочисленными голубыми, розовыми и оранжевыми круглыми клумбами-пампушками. Осень в этом году была теплая, как ладонь солнечного существа, спустившегося на землю из любопытства.

* * *

Молодой человек с черными волосами, склонив голову, провожал двух сестер задумчивым взглядом. Из подъехавшего следом тяжеловесного брутала, зовущегося «Джип-Вранглер», вылез еще один молодой мужчина, очень высокий и крупный, с отлично накачанными мышцами и с лицом, на котором от виска к шее через всю щеку тянулся не отличающийся изяществом шрам.

– Чего застыл? – спросил он хрипловато черноволосого. – Идем, люди ждут.

– Подождут, – отозвался молодой человек, не отрывая взгляда темно-зеленых, как у дикой большой кошки, глаз с коричневыми крапинками вокруг зрачков, которых, впрочем, не было видно из-под очков.

– Ты это им скажи, придурок.

– Иди внутрь, скоро буду, – бросил черноволосый накачанному парню и, прежде чем тот успел изошрённо выругаться, направился в сторону ни о чем не подозревающих Ники и Марты. Его приятелю ничего не оставалось делать, как зайти в «Милсдарь» одному.

– Вот же козел, – не слишком дружелюбно произнес молодой человек со шрамом, добавив пару непечатных выражений. Он более чем отлично знал, что те, кто находится в ресторане – люди серьезные и ждать не любят. – Телку, что ли, увидел? Или вмазаться успел?

И, покачав стриженной почти под ноль головой, он нехотя скрылся в дверях «Милсдаря», гостеприимного ко всем, чьи финансы позволяли за раз тратить там суммы денег, превышающие средние зарплаты многих людей этого города. Эти два парня, чей возраст колебался в районе двадцати семи лет, с легкостью могли себе это позволить. Как, впрочем, и многое другое.

Черноволосый же быстрым шагом догнал девушек у проезжей части, около входа в жизнерадостный парк, приветствующий всеми своими листиками и цветками бабье лето, и, помедлив всего лишь несколько секунд, стремительно подошел к светловолосой девушке, чьи прямые гладкие волосы теперь достигали середины спины. Он улыбнулся – впервые за долгое время искренне, не оскалившись и не выдавливая из себя несуществующие эмоции, а после быстрым жестом закрыл девушке глаза ладонями.

Отчего-то ему была интересна ее реакция.

* * *

Когда чьи-то широкие сухие ладони закрыли Нике глаза, она вздрогнула, остановилась от неожиданности, глубоко вдохнула и вдруг обеими руками вцепилась в мужские запястья того, кто стоял сзади.

Она сразу поняла, кто это... Никита. Радость и злость перемешались в единую непонятную эмоцию.

– Это ты, Укроп? – прошептала без намека на доброту в голосе девушка. – Вот козел. Если так, то лучше убегай, слышишь... Эй! Отпусти меня!

Она еще сильнее вцепилась в руки парня, словно не хотела отпускать. Надежда медленно перевоплощалась в ожидание встречи, которой все же в этот день не суждено было состояться.

Марта, ничего не понимая, застыла, переводя удивленно-испуганный взгляд с кузины на интересного незнакомца, закрывающего той глаза, и обратно. Парень ей совершенно внезапно понравился – а такое с Мартой было впервые, чтобы так сразу незнакомый человека показался хорошим и привлекательным. Вблизи брюнет казался еще круче, чем издали. Девушка смотрела на него и понимала, что от этого человека с расправленными плечами исходит невидимой дымкой некая внутренняя, пусть даже несколько грубоватая сила. Наверное, его уважали.

– Убери руки, ты, смертник! – бушевала Ника тем временем. Кларского хотелось обнять и прижать к себе и одновременно огреть чем-то тяжелым за то, что он заставил ее так мучиться!

Но...

– Я тоже тебя рад видеть, Ника. – Этот голос был знакомым и совершенно чужим одновременно.

Девушка судорожно выдохнула и безвольно опустила пальцы. Нет, это не ее Никита. Проклятие!

Надежда, затаившаяся в голубых глазах Ники, так же грустно и как-то безнадежно опустила кисти рук вниз. Она, постоянная спутница всех верящих в чудо, обернулась утонченной фарфоровой куклой с кремово-коричневыми кудряшками и спряталась за расширившимися зрачками Ники.

Надежда тоже ждала любимого человека.

Черноволосый же молодой человек все же убрал свои пальцы с лица Ники и за плечи развернул ее к себе.

– Очень рад, – повторил он.

– А, это ты! Блин, кого только не встретишь! Привет, – сказала обманутая Ника, наконец увидев того, кого приняла за своего Никиту.

А ведь жалкие секунды она была почти счастлива, подумав, что позади стоит Кларский. Это ведь так характерно для него – объявиться просто так, без предупреждения, и напугать! Или она сама напридумывала себе, что однажды Никита вернется за ней?

Фарфоровая кукла, прячущаяся за ее зрачками, кивнула сама себе, разглаживая складки на пышном платье, сотканном из тончайшего темно-розового шелка.

Напридумывала.

– Здравствуй, Ника, – с любопытством изучал ее лицо парень. Он снял свои черные очки и добавил: – Длинные волосы тебе очень идут. Женственно смотришься.

Этот человек, как и прежде, говорил то, что приходило ему на ум, не заморачиваясь, тактично ли это будет или нет. Иногда его самоуверенная прямота мешала ему, а иногда выручала, отпугивая при этом людей.

Ника как-то кривовато улыбнулась, все еще пребывая в вакууме разбитых надежд и неоправдавшегося ожидания. Ну как она могла подумать, что это господин Кларский?!

– Ты тоже отлично выглядишь, – сказала она как-то отстраненно, отступая на пару шагов назад, к дороге.

Зеленоглазый тип явно не ожидал от Ники такой флегматичной для нее реакции. Сам он, с трудом осознавая это, чувствовал себя обрадованно-изумленным. Касаться лица Ники ему понравилось – это было словно мимолетное прикосновение к прошлому, далекому и какому-то чистому, что ли. А то, что этому человеку нравилось, он привык держать при себе.

– Ты не забыла меня?

– Саша, тебя сложно забыть, – улыбнулась девушка, говоря чистую правду. Хотя, конечно, сложно, но можно. Она потихоньку приходила в себя, и удивление от такой внезапной встречи брало свое. И откуда только ее бывший тут взялся? Вновь вернулся в город?

– Слушай, а ты так сильно изменился!

– Времени прошло много. Для изменений достаточно, – еще одна улыбка была искренне подарена Нике.

– Согласна. А ты прямо крутым парнем стал. Я вижу, ты сейчас на коне? Это, кстати, моя сестра Марта. А это Саша. Мы встретились... Давно.

Марта кивнула ему, тряхнув длинными вьющимися волосами. Она отчего-то застеснялась этого важного уверенного Александра.

– Я помню тебя, – благосклонно произнес молодой человек, – кажется, мы виделись на дне рождения Ники.

– Может быть, – осторожно ответила Марта, вспоминая, как она в пятнадцати- или шестнадцатилетнем возрасте была на дне рождения сестрички. В то время та как раз встречалась с парнем по имени Саша, и на праздник он приволок ей огромного белого медведя, ростом едва ли не с саму именинницу, и пышный букет снежно-белых роз. Повеселившись дома у Ники, по предложению Саши все гости поехали в модный клуб «Алигьери». Правда,

без Марты: во-первых, тогда она была еще несовершеннолетней, во-вторых, мама никуда не хотела отпускать дочку, особенно в какое-то там сомнительное ночное заведение, а в-третьих, и в самых главных, – девушке нужно было готовиться к конкурсу и много репетировать.

Лицо Александра Марта забыла, зато помнила, какое впечатление произвел на нее этот парень в ту их первую и последнюю встречу: высокий, не красавец, но вполне миловидный, кажущийся смелым, ответственным и щедрым, он даже затмил для нее образы любимого актера и обожаемых рок-музыкантов. Потому что они были далекими, как звезды на небе, а он находился близко-близко. И был классным. С дерзкими зелеными глазами и заразительным смехом.

– Как твои родители? – продолжал допрос Саша.

– Отлично.

– Твой отец все еще так же любит рыбалку?

– А как же. Он и Орлов со своими вечными разговорами о ней уже достали всех, кого только смогли, – притворно вздохнула Ника.

Ее папа жить не мог без рыбалки и вместе с чуток помешанным другом Орловым после грандиозных приготовлений постоянно ездил на самые разные водоемы. Правда, с уловом у этих двух удачных любителей порыбачить было плоховато, однако их пыл это не остужало, только еще сильнее подзуживало.

– А как твои родители? – из вежливости, а не из интереса поинтересовалась Ника. – Как мама?

– Очень хорошо.

– А отец? – Если мама Саши Карлова как-то стерлась из памяти, то отца она помнила очень хорошо. Это был такой же высокий мужчина лет сорока пяти с суровым лицом, серьезными зелеными глазами и аккуратно ухоженной бородкой. Он у Саши был известным и уважаемым в узких кругах физиком, преподавал в университете и постоянно пропадал в своей лаборатории в каком-то закрытом НИИ.

– Думаю, он тоже в порядке. – Улыбка на лице Александра стала чуть холоднее, как будто бы он не очень хотел говорить на эту тему.

– Я видела пару раз твоего братика на скейте, – спешно добавила Ника. Ей захотелось взять бывшего за руку, чтобы понять – вызовет ли какие-либо чувства это прикосновение. Она словно случайно коснулась Сашиного предплечья и поняла – нет, не вызовет. Если только ностальгию.

Хотя, наверное, встретить она Сашу не сейчас, а года два назад, то кинулась бы ему на шею. А сейчас все ее мысли о другом.

– Ника, у меня сейчас, к сожалению, времени в обрез. Но я очень хочу встретиться с тобой и поговорить. – Александр никогда не задавал таких вопросов, как «ты не против?», «ты согласна?», «есть ли у тебя время?». Он просто-напросто сам решал и ставил в известность. Раньше Нике это очень нравилось – до тех пор, пока однажды к ней на телефон, ныне уже, можно сказать, покойный, потому что после этого он был разбит о стену в приступе отчаяния, пришло короткое, но содержательное эсэмэс-сообщение: **«Ника, я нашел другую девушку, нам нужно расстаться. Прости, я правда тебя любил. Саша. И не забудь стереть номер. Вспоминать меня тоже не нужно. Будь счастлива, но без меня».**

Это сообщение, прочитанное девушкой почти пять лет назад, привело ее к состоянию, близкому к шоку, а после и к эмоциональной коме. Надо же, а теперь, спустя столько времени, человек, некогда обидевший ее и предавший, не вызывает уже таких ярких эмоций: только недоумение и вялый интерес. И что Сашенька от нее хочет? Попросить прощения, что ли? Это не в его стиле!

– О чем ты хочешь поговорить? – не поняла Ника.

– Что за подозрительность, милая? Дай мне свой номер телефона, я позвоню, и вечером мы договоримся о встрече.

– Саш, а если у меня парень есть? – спросила она, задумавшись, стоит ли восхищаться его непринужденным уверенным нахальством.

Тот лишь пожал плечами. Ника не могла не обратить внимания, что ее бывший был одет в темно-зеленый удлиненный и приталенный пиджак, купленный явно не на рынке, из-под которого выглядывал черный жилет и рубашка с острым воротом цвета зеленого чая, разбавленного с молоком. Костюм отлично завершали начищенные до блеска черные ботинки и фирменные часы с круглым циферблатом, выглядывающие из-под рукава.

Надо же, раньше Сашке так шли джинсы, футболки, кожаные куртки и кеды, и она не представляла его, одетого в другом стиле. А теперь ему так идет деловая одежда! И серьги в ухе больше нет, и вместо серебряного кольца на указательном пальце перстень из платины. Правда, весь этот прикид делает его слегка старше, чем он есть на самом деле, но зато какой он заметный и элегантный, что ли. Мальчишеская легкая небритость куда-то делась, не забыв прихватить с собой любовь к шуточкам. Саша стал совсем взрослым, взрослым и другим. И машина у него крутая, судя по всему, и одежда не из дешевых. Интересно, он что, бизнесменом заделался?

– У меня тоже могла быть девушка, но ты же об этом не спросила.

– Так я и не согласилась еще с тобой встретиться! – слегка вспылила Ника. Он что, только ее встретил и уже издеваться вздумал?

– Ключевое слово «еще», – кинул быстрый взгляд на наручные часы Александр. – Номер телефона?

– Ноль два, – привычно брякнула девушка.

– Что?

– Ноль три.

– А я смотрю, ты не выросла, – прищурился Саша.

«Да что ты ко мне прилип, неудачник?»

– Зато ты вырос, – вздохнула Ника. Нет, он действительно слишком взрослый!

Саша, приметив в ее руке телефон в сиреновом чехле и не спрашивая разрешения, аккуратно взял его и набрал свой номер. Из его мужской кожаной сумки тут же донесся звук, похожий на звонок домашнего телефонного аппарата.

– Отлично, – остался доволен результатом молодой человек. – Я тебе позвоню, и мы договоримся о встрече.

– Эй, Саша, а ты еще больше обнаглед, – рассмеялась вдруг Ника, делая обалдевшей сестре знаки молчать. Телефон-то был ее!

– Жизнь научит всему, особенно наглости, – весело отозвался тот. – Это ведь наше второе счастье, слышала?

– Не только слышала, но еще и видела, вернее, вижу.

– До вечера. Я перезвоню. – Саша на прощание коснулся руки Ники, и она подняла на него чуть расширившиеся глаза. – Почему ты меня назвала укропом? Это твое новое фирменное ругательство?

– Ага, типа того. Пока!

– Пока, девушки. – С этими словами Александр развернулся и быстрым шагом, не обращая внимания, что на светофоре для пешеходов последние три секунды догорает зеленый свет, дабы через мгновение уступить место красному, направился к проезжей части. Почти двум десяткам машин пришлось потерять из-за него драгоценные в дороге мгновения.

Сестры молча провожали глазами его статную фигуру до тех пор, пока ее не скрыли другие люди.

– Ты в порядке? Чего у тебя со взглядом? – вцепилась в сестру Марта, на которую Саша произвел нехилое впечатление.

– Не знаю, – хрипловато отвечала Ника. Губы ее, как у нее часто бывало, пересохла от легкого волнения.

– Это тот самый Саша? – еще раз переспросила Марта, забирая из руки сестры мобильник. История о том, что он бросил кузину по эсэмэс, была ей отлично известна. Марта была одной из немногих, кто вообще знал об этом. Именно ей отвелась почетная роль «успокоительницы» Ники – она не вовремя пришла к той в гости и стала свидетельницей ее истерики. Что-что, а успокаивать и утихомиривать людей Марта умела, хотя нигде специально этому не обучалась.

– По-твоему, у меня была куча Саш? – огрызнулась Ника. – Бли-и-ин, Марта, это капец какой-то!

– Вот именно! Ты почему ему не сказала, что мобильник он не твой взял, а мой?

– Просто так, – улыбнулась во все зубы Ника. – Короче, сестренка, слушай и запоминай! Как только он осмелится тебе позвонить, скажи ему, что он ошибся и никакой Ники ты не знаешь.

– Но почему? – недоумевала Марта.

– Потому. Я ему не доверяю, – призналась девушка, сверкнув глазами. – Не хочу с ним связываться вновь.

– А если он что-то к тебе почувствовал? Прикинь, встретил случайно и понял, что ты до сих пор ему нравишься, а, Никусь? – размышляла Марта.

– И что? Еще раз одного такого кидалова, поверь, я не вынесу. Если он тогда с легкостью меня бросил, то что помешает ему сделать это еще раз? – резонно заметила Ника. Она, кажется, все же повзрослела. А Саша... Саша остался в прошлом. Привычного в тех, давних отношениях, тока так и не пробежало между ними. Время и правда лечит. Еще бы вылечило от чувств к Никите.

– Не хочу перебить свои старые раны. – Поняв, что сказала это чересчур взволнованно, Ника осеклась. – Плевать я на этого изменника хотела. Позвонит тебе, скажешь, что ошибся, и всего-то.

– А если он не поверит, что ошибся? – сощурилась Марта. Ветерок развеивал ее длинные волнистые волосы, и то и дело пряди прилипали к губам, влажным от блеска.

– Флаг ему в руки, пусть не верит. Захочет номер пробить, все равно поймет, что сим-карта зарегистрирована не на меня, а на тебя. Или если надоедать будет, просто отключи телефон. Хорошо?

– А отомстить ты ему не хочешь? – загорелись светлые глаза Марты, которая физически не могла переносить измен – наверное, сказывалось то, что в детстве ее отец ушел от них с мамой к другой женщине. Оказывается, он несколько лет жил на две семьи, «на два фронта», как говорила бабушка, и от той женщины у него была другая дочь, а потом родилась и вторая... То, что отца считали интеллигентным и умным человеком, к своим сорока четырем годам объездившим полмира, не помогло ему быть верным мужем и хорошим отцом. По крайней мере по отношению к Марте и ее маме.

– Я бы на твоём месте сейчас этого Сашу приручила, а потом бросила бы его! – кровожадно сжала руки девушка. Все симпатии к нему стремительно улетучились. Вот сволочь, бросил ее сестренку! И как только посмел?

– Мне, по-твоему, делать больше нечего? Все, давай закроем тему? – попросила кузину Ника, которая вообще-то могла быть мстительной и пакостной девушкой, что не раз демонстрировала подругам и друзьям, но в последнее время она как-то слегка поугомонилась, да и в прошлое было возвращаться страшновато. – Пошли лучше в кафе зайдем, там классные коктейли делают.

– Я не пью алкоголь, – задрала вздернутый носик Марта. Сестра насмешливо на нее покосилась.

– Ага, я не пью алкоголь, я пью только кровь других людей, – отозвалась она, пытаясь прийти в норму после неожиданной встречи. – Давай безалкогольные коктейли закажем. И когда я дождусь того дня, когда ты впервые напьешься?

– Никогда.

Ника взлохматила сестре волосы.

Сестры посидели в кафе, где Ника после кофе с коньяком и десерта почти пришла в себя, погуляли по магазинам, расположенным на центральных улицах города, пофотографировали друг друга на пешеходном мосту Влюбленных Дураков, соединяющем два берега, на которых с удобствами, как мохнатый и пушистый добродушный пес на двух ковриках, расположился их родной город: большой, с небольшой пока историей, но достаточно красивый и стабильно развивающийся. А после, вдоволь наболтавшись, отправились по домам, сев на разные маршрутные автобусы.

Марта жила на небольшой тихой улочке неподалеку от этого места – ей нужно было проехать четыре остановки, и ее дом, старый, так называемый сталинский, монументальный, с высоким бельэтажом и облицовкой из гранитных плит, располагался прямо напротив спокойной заводи. Окно комнаты девушки как раз выходило на нее, и каждое утро она видела, как рассвет растворяется в воде.

А Ника в отличие от кузины жила в довольно новом и все больше застраиваемом районе под названием Южная пристань, который находился достаточно далеко от центра и имел не слишком хорошую репутацию. Не зря несколько лет самая «популярная» преступная группировка носила название «Пристанские», а органам правопорядка с трудом удалось захватить ее лидеров, в том числе человека по имени Андрей Кузнецов. Кто бы мог подумать, что именно этот человек является старшим братом Никиты Кларского, в которого она имела неосторожность влюбиться? А сам Ник выполняет его поручения.

Судьба умеет оригинально шутить!

Сидя в автобусе и вспомнив Андрея Марта, Ника сглотнула. Она имела честь быть знакомой с этим мужчиной и вывела для себя, что когда Андрей находится, скажем так, в нормальном состоянии, он интересен и разговорчив, правда, очень осторожен и насмешлив. Но когда же он вдруг совершенно внезапно перевоплощается во второе свое эго – лучше даже не смотреть ему в глаза: настолько опасным и агрессивным становится этот Март. Даже в преступном мире его считали совершеннейшим психом, который способен на многое. Его называли беспредельщиком, не следующим воровским законам, и, тихо ненавидя, все же уважали.

Однако и у него были свои представления о чести. Тогда, два года назад, когда Андрея захватил и ранил ОМОН, он, вместо того чтобы попытаться вырваться из здания, позвонил Никите, младшему брату, и велел убираться из города. Фактически Андрей Март пожертвовал своей свободой ради будущего своего младшего братишки, которого он в шутку называл оленем. Ника тогда была рядом с Никитой и видела, как меняется его обычно бесстрастное лицо, когда он слышал голос раненого брата, приказывающего ему уезжать. Ник был младшим братом лидера ОПГ, он совершал противозаконные деяния – и не раз, поэтому и его тоже разыскивала полиция, объявившая тогда план «Перехват». И именно поэтому Ника спрятала парня в квартире своей знакомой, понимая, что он преступник, но четко осознавая, что она не хочет видеть его за решеткой.

Наверное, она и сама преступница. Да разве любить – это преступление?

Той ночью она нарисовала портрет спящего Никиты, и это было единственное его изображение, на которое она время от времени смотрела. Иногда Ника ругалась на портрет Кларского, иногда спрашивала, когда он вернется, иногда рассказывала ему что-нибудь о своей

жизни: о том, что она закончила универ и получила диплом, о том, что была свидетельницей на свадьбе у подруги, с которой она однажды шутила над Ником по телефону, или о том, что сегодня он ей снился и – кошмар какой! – был лысым, как коленка. Иногда жаловалась на судьбу. И иногда ей казалось, что он отвечает ей – разумеется, мысленно.

И почему от мыслей о Саше она избавилась намного быстрее, чем от мыслей, в которых полноправно властвовал Никита Кларский?

Ответа на это у девушки не было, и она, приехав домой, почти тут же легла спать – уставшая фарфоровая кукла сама закрыла хозяйке ресницы.

* * *

Марта, оказавшись в родной квартире с высокими, почти под три метра, потолками, сначала немного поторчала на кухне со вьедливой, любознательной бабушкой, которая готовила пирожки с клубничным джемом, а потом потащилась к ноутбуку, на котором живописной горкой покоились белоснежные листы с нотами нескольких сонат Иохима Раффа, недавно ксерокопированные Мартой и ее подругами-однокурсницами из старого потрепанного издания, взятого в библиотеке, – к сожалению, многие ноты приходилось брать именно там, ну или искать в Интернете, потому что в продаже их просто-напросто не было. Иногда к ксероксам выстраивалась целая очередь, потому что на вынос ноты и книги не давали.

Включив ноутбук и дожидаясь, пока экран загорится, девушка легкой походкой подошла к кожаному коричневому футляру, в котором хранилась ее ближайшая подруга – скрипка. Марта в шутку называла ее мисс Бетти и любила, как самое настоящее живое существо с утонченной душой, которое неведомыми путями попало из параллельной вселенной, где правила всемилостивая императрица Музыка, к нам, на грешную землю. Как бы странно это ни казалось, но скрипка для нее была чем-то большим, чем просто музыкальный инструмент. Скрипка в первую очередь была другом. Пусть не умеющим двигаться и разговаривать, но умеющим посредством звука переносить в самые разные миры и дарить сотни эмоций; другом, не знающим слово «предательство» и умеющим лечить душевные раны.

С мисс Бетти, прижатой к подбородку, и со смычком в руке Марта провела немало часов, а потому немало про нее знала.

При всей своей внешней, как говорила ее подруга Надя, беззаботной кавайности, кухня Ники была девушкой целеустремленной и настойчивой – по крайней мере в том, что касалось музыки. И она точно знала, что когда-нибудь будет выступать вместе с самыми знаменитыми оркестрами страны или, может быть, даже мира, под руководством лучших и талантливейших дирижеров.

Удостоверившись, что с мисс Бетти все в порядке, девушка вновь положила ее на место. На черном тонконогом пюпитре, что возвышался рядышком с футляром, прямо напротив окна, тоже находились раскрытые ноты с карандашными пометками, да и на столе нот лежало немало – Марте приходилось учить и отрабатывать множество произведений. Чаще всего это занимало кучу времени после занятий, поэтому сегодняшний поход в кино с сестрой скорее был исключением из правил, чем обыденностью. Свободного времени у юной скрипачки зачастую было очень мало, но в субботу или в воскресенье она старалась побольше отдыхать и набираться сил и эмоций перед новой неделей.

Сегодня с утра темноволосая девушка уже отыграла несколько часов, повторяя выученное ранее, поэтому сейчас хотела просто посмотреть легкий фильм или поболтать с живущими за рубежом друзьями по скайпу. А начать учить новое произведение Марта планировала завтра – скрипичная партитура терпеливо дожидалась ее в ящике стола.

Обычная память у девушки была не очень хорошей, зато ноты она обычно запоминала влет, потому что каждая из них для девушки была особенной, несущей свою определенную

эмоцию и мироощущение, и именно на волне этих эмоций Марта умудрялась учить текст наизусть. А если произведение сильно ей нравилось, то скорость запоминания магическим образом увеличивалась. Правда, бывало и так, что если девушка не могла прочувствовать произведение и всей палитры его чувств, то и с большим трудом запоминала его.

Музыка была частью Марты с раннего детства, и уже, кажется, неотъемлемой частью. По крайней мере без нее она себя не представляла. Девушка до сих пор помнила, как в раннем детстве впервые случайно услышала звучание скрипки. Произошло это тогда, когда маленькая Марта со своей мамой пришли в гости к ее подруге, которая приходилась девочке крестной. Ирина Ивановна – так звали эту женщину – была профессиональной скрипачкой и, вняв просьбам гостей, согласилась сыграть им одно из произведений бессмертного Паганини. Марта, которой тогда на музыку было совершенно фиолетово, если это, конечно, была не музыка из любимых мультиков, с ногами залезла в кресло и круглыми глазами уставилась на Ирину, взявшую в изящные руки какую-то странную деревянную штуковину и тонкую палочку. Женщина взмахнула смычком, прижав скрипку к плечу, и уже вскоре в глазах у маленькой Марты стояли слезы, которые она усердно скрывала ото всех, прижавшись щекой к пахнущей кожей спинке кресла. Она не знала, почему плачет, и до сих пор не могла понять, что заставило ее, четырёхлетнего ребенка, лить слезы из-за скрипичной игры. Нет, ей не было плохо или страшно, не хотелось залезть на ручки к маме или начать рыдать навзрыд. Марта просто чувствовала, как по рукам и ногам бегут мурашки, и непонятные щекотные ленточки-волны поднимаются из груди к голове, заставляя слезы собираться в уголках глазок.

Зимнее самозабвенное исполнение крестной «Каприза № 24» Паганини стало самым ярким дошкольным воспоминанием Марты. Она до сих пор видела внутренним взором силуэт Ирины, державшей в руках скрипку и стоявшей на фоне не зашторенного окна, за которым падали белые крупные хлопья снега и густыми фиолетовыми мазками сам себя рисовал не по-декабрьски теплый вечер. В тот вечер Марта влюбилась в музыку.

Кстати, именно Ирина Ивановна первой заметила любовь крестницы к загадочному миру звуков, и она же первой поняла, что слух у Марты отличный, который просто необходимо развивать. К тому же голос у девочки был выразительным и чистым, да и чувство ритма ей оказалось не чуждым. Мама Марты часто потом говорила, что музыкальный талант – это единственное хорошее, что смог подарить ей ее мерзкий отец, довольно известный в узких кругах пианист.

Когда Марте стукнуло пять лет, по совету Ирины Ивановны девочку отвели в одну из лучших музыкальных школ в городе, где крестная, кстати говоря, преподавала. Поскольку Ирина Ивановна заведовала скрипичным отделением, то и Марту было решено обучать игре на этом инструменте. Она и не сопротивлялась – скрипка завораживала девочку, и те, кто умел играть на ней, например, крестная, казались ей настоящими волшебниками, способными сотворить чудо. Смычок казался ей волшебной палочкой, и она безумно хотела получить ее, чтобы тоже уметь так колдовать.

Почему-то тогда, в далеком детстве, Марта думала, что все дело в смычке – именно он и «поет» такие завораживающие песни, рождает необыкновенные мелодии, потому что его щекочат тонкие натянутые штуковины на корпусе. Естественно, уже в музыкалке она поняла, что звук, тембр его звучания и сила зависят не только от смычка, а от многих других факторов. Например, от того, из какого материала изготовлена скрипка и какой лак при этом был использован, хорошо ли подобран подбородник. Ну и, конечно, почти все зависит от мастерства самого музыканта. Профессионал способен сыграть отлично и на плохом инструменте, а недоучка, даже если ему в руки дать самую лучшую скрипку мира, не сможет выжать из нее ничего, кроме пары бездушных звуков.

После того как Марта в четырнадцать лет закончила девять классов, она, сдав все необходимые экзамены, поступила в музыкальное училище, где проучилась четыре года и блестяще сдала все выпускные экзамены. А в прошлом году Марта начала обучение и в городской консерватории имени Прокофьева на оркестровом факультете.

На скрипке девушка играла превосходно, зачастую заставляя людей, особенно незнакомых с миром классической музыки или знакомых плохо, восхищаться техникой ее игры и ловкостью пальцев. Почему-то люди чаще всего обращали внимание не на извлекаемую из инструмента музыку, рассыпающуюся на молекулы в воздухе или начинающую в нем же сверкать невидимыми каплями-звуками; они обращали внимание прежде всего на то, как бегают по струнам пальцы левой руки, а пальцы правой с такой же грациозной ловкостью, в движениях которых нет места небрежности, сжимают порхающий смычок.

То, на что чаще всего обращали внимание знакомые Марты – быстрота движений, ловкость и гибкость пальцев, – зависело от постановки рук. Впрочем, скрипичная постановка – это не только работа с руками, но и с ногами, корпусом, положением инструмента и даже дыханием. Однако все это лишь фундамент игры на скрипке. Это вообще основа игры на любом музыкальном инструменте, будь то виолончель, пианино, аккордеон или барабаны.

Посторонние считали технику самым сложным, однако это было не так.

Мало кто знает: для того чтобы научиться играть хотя бы на среднем уровне – не как мастер, а как любитель, – нужно с самого детства прикладывать множество усилий. Постоянное заучивание нот – скрипач, как и другие музыканты, не имеет права не развиваться. Тысячи часов тренировок – и это не преуменьшение, ведь даже у любителей, обремененных всего лишь парой часов занятий на скрипке в неделю, этих тысяч окажется около двух и больше. И большое желание. Скрипка – капризный инструмент. Ведь даже элементарное удерживание инструмента на левом плече, под подбородком, – не всегда легкая и приятная задача. Раскрыть художественное содержание, даже отлично владея техникой, могут далеко не все. Тем более раскрыть так, чтобы душа пела вместе со скрипкой. Это и было самой сложной задачей скрипача.

По крайней мере так думала Марта.

Она ласково улыбнулась мисс Бетти, удобно устроилась перед ноутбуком и, как и хотела, пару часов провисела в Интернете. Одновременно она смотрела романтическую комедию и переписывалась с многочисленными знакомыми и друзьями, которыми умудрилась обзавестись в большом количестве. Почти все они являлись людьми творческими, яркими, не без разноцветных фейерверков в головах, зато интересными и совсем нескучными. Правда, подавляющее большинство из них близкими Марте не были, но общение с ними время от времени поднимало девушке настроение или вдохновляло – например, как сейчас, во время переписки с молодым, но уже чертовски талантливым и подающим большие надежды пианистом, проживающим в Лондоне. Русским Феликс был наполовину, по матери, родившейся в городе Марты, с детства свободно говорил на двух языках и даже пару раз бывал в России – правда, в детстве.

С ним Марта совершенно случайно встретилась на одном из музыкальных международных конкурсов в прошлом году и не знала, чем больше Феликс очаровал ее – своей безупречной по технике игрой или теплым обаянием и искренней вежливостью? Как бы то ни было, Марте было очень приятно общаться с этим интересным парнем, в чьих орехово-карих глазах всегда читалось спокойствие, учтивость и уверенность человека, дела которого в порядке. Они часто обсуждали современное искусство (в основном, конечно же, музыку, в других его видах Марта была не столь сильна), последние новости и даже политику; с Феликсом же девушка иногда практиковалась в английском.

Они переписывались и сейчас.

Martinika: Кстати, я смотрела видео с твоим последним выступлением))) Ты потрясающий. Так отыграть «Пляску смерти»!

Fel-x: Надеюсь, ты захочешь в этом году прилететь в Лондон?:) «Итальянская сюита» нас ждет:)

Пальцы Марты с аккуратными подпиленными и покрытыми бесцветным лаком короткими ноготками застыли над клавиатурой. Девушка вздохнула. Стравинский, автор «Пляски смерти», – один из ее любимых композиторов, и Феликс это помнил, потому и написал о нем. И приехать в Лондон она, конечно же, очень... нет, безумно, хочет! И чтобы Феликс сопровождал ее – тоже, но вот скорее всего в ближайшем времени этого не случится... Она не попадет в Лондон. Хотя когда-нибудь однажды, после того как консерватория будет позади, это обязательно случится.

Martinika: Все возможно...

Увидев, что забыла напечатать смайл, Марта отправила его вдогонку.

Fel-x: А! Возможно, я сам прилечу к вам:)

Марта обрадованно застучала пальцами по клавиатуре.

Martinika: Когда?! И куда?

Fel-x: Дату пока не скажу. В столицу и, возможно, в ваш городе. Детали скажу позже. Но ты должна знать: я очень хочу с тобой встретиться еще раз.

Martinika: И я тоже...:)

В это время телефон девушки громко и радостно зазвонил – и на весь дом раздалась одна из последних песен любимой группы девушки, «Red Lords». То, что утонченной Марте, безмерно уважающей классику, нравилось слушать еще и современную тяжелую музыку, зачастую казалось окружающим nonsensом, особенно взрослым. Как так, юная скрипачка, с детства находящаяся в мире настоящей, возвышенной музыки, лишенной безграмотного исполнения и бездуховности, слушает эту тяжело металлическую жуть? Поэтому, чтобы не шокировать преподавателей, Марта в стенах консерватории просто-напросто отключала звук у мобильного, ставя его на виброзвонок, а дома или на улице вновь переустанавливала мелодии. Она не видела ничего плохого в том, чтобы наслаждаться любыми видами музыки, если она сделана с душой: будь то классика, техно или метал. Главное, чтобы это была настоящая музыка. Без фальши в звуках, голосе и в самих исполнителей.

К тому же в «Лордах» был и скрипач – загадочный и похожий на демона безмятежного сна музыкант по кличке Визард или странный Ви. Он умело обращался не только со скрипкой, но и с фортепиано и гитарой, а также, по многочисленным уверениям одноклассников – с их нервами. Этот высокий парень с умиротворенным лицом и отстраненными темно-серыми глазами, по его словам, умел видеть души умерших и отрывки из будущего, занимался астрологией и мог, глядя на человека, многое о нем рассказать. Поговаривали, что именно он, самый спокойный и очень странный в своем спокойствии и умиротворенности парень, был создателем группы, каким-то волшебным образом отыскивавший других членов. Хотя, конечно, вокруг «Лордов» было множество слухов, которые музыканты, по обычаю, не опровергали и не подтверждали – жили они совершенно отстраненно. Поэтому нельзя было сказать, что ложь, а что правда.

Поскольку «Red Lords» были группой известной – мирового масштаба, то однажды бойкая ведущая известной американской телепрограммы, которую еженедельно смотрели миллионы зрителей, пригласила Визарда к себе на шоу, чтобы тот продемонстрировал свои оккультные способности в прямом эфире. Визард (это видео было очень популярно на Ютубе, и Марта не раз его видела) скупой улыбнулся и, покачивая головой, ответил отрицательно. Ведущая едко подколола его, однако ответа от скрипача не дождалась; в это время появился еще один Лорд – бас-гитарист Марс – и, послав ведущую ток-шоу по матери, а также обозвав нецензурным словом не самого приятного значения, попросил охрану выпро-

водить ее куда-нибудь подальше. Скандал раздулся жуткий, ведущая принялась с бешеным сумасшествием, подкрепленным феминизмом, качать свои права, и это вынудило несколько десятков ярых фанатов Лордов в Штатах попытаться поджечь даме особняк. Скандал грозился стать еще более ярким, но неожиданно, как по мановению волшебной палочки, прекратился, и журналисты, как один, забыли об этом инциденте, и даже в Интернете писать про это стали в разы меньше, а некоторые статьи и блоги, где чересчур затрагивалась эта проблема, как-то скоро сами собой поудалялись. А ведущая призналась, что... видела привидение. В собственном доме.

Марта, с улыбкой вспомнив скрипача Визарда, не глядя на телефон, нажала на зеленую кнопку. О чем просила ее двоюродная сестра, она уже благополучно забыла.

– Да, – дружелюбно сказала она в трубку.

– Привет. Хочу услышать Нику, – раздался смутно знакомый мужской голос.

– А это не Ника, – отвечала Марта скороговоркой. – Ее нет, не было и не будет, вы ошиблись номером, до свидания.

– Эй, я не понял...

Что там Александр – а голос, естественно, был его – не понял, так и осталось для Марты загадкой. Она, следуя совету сестры, просто отключила телефон, а после вернулась к переписке с Феликсом. Правда, мысли ее изредка возвращались к этому отвратительному (да, тип, что так подло бросил свою девушку, именно такой и никак иначе!) Саше, словно он ей и не понравился вначале. И помогла только хрупкая звонкая мисс Бетти, которую Марта достала перед сном, чтобы вместе с полетом звуков одного из капризов любимого Паганини прийти в чувство. У девушки часто так бывало – во время исполнения приятного произведения, доведенного до автоматизма, разум начинал немного по-другому думать. Правильнее, что ли.

Вроде бы помогло – разум забыл об Александре, убедив сам себя в том, что хорошей девочке не надо думать о бывших и нечестных парнях своей сестры, – ни к чему хорошему сие не приведет. Но помогло это ненадолго. Или, может быть, в отличие от сознания подсознание не прониклось советами музыки.

Ночью Марте приснилось, что Феликс и Саша стоят друг напротив друга на боксерском ринге, в одних трусах. Первый – в желто-фиолетовых с жирафиками, второй – в голубых с кислотно-розовой полосочкой. С первого же удара Саша повалил Феликса на ринг и парой яростных ударов разбил ему лицо в кровь. Она, правда, была не алая, а темно-зеленая, как глаза Александра.

Марта, словно привидение, витающее над местом проведения боя, стала стремительно спускаться вниз – увидела, как Саша, воистину по-вампирски усмехаясь, держит в каком-то жестком захвате кисти рук Феликса. А ведь они – самое дорогое, что есть у пианиста. Нет, у любого музыканта!

– Эй! – разозлилась Марта, понимая, что Саша сейчас переломает руки бедному талантливому пианисту. – Не трогай его, сволочь! Не трогай! Не трогай его руки! Он пианист! Не трогай, не трогай!

Ей стало страшно – что будет делать Феликс, если лишится чувствительности рук? Что будет делать, если поймет, что не сможет больше играть?!

В ответ в голове девушки зазвучал всем известный «Похоронный марш» Шопена. И тут же навстречу ему двинулся поток других нот, столь же мрачных и глубоких – «Похоронный марш» Моцарта.

– Не трогай!

– Я тебе сейчас трону! – закричали под ухом у Марты. Она разлепила глаза и увидела не слишком доброе выражение на лице у мамы. – Ты вставать собираешься? Я ее тут бужу, а она на весь дом орет, чтобы ее не трогали!

– Ой, – пробормотала девушка шурясь. – А что, уже утро?

– Нет, еще ночь. Солнце просто так встало, – отозвалась мама раздраженно. – Марта, вставай, ты и так проспала! Уже восемь!

– Как? – ужаснулась девушка, в мгновение ока вскакивая с постели. Занятия в консерватории начинались в девять, но до нее еще надо было доехать – а дорога занимала не менее получаса.

Словно тасманский дьявол, лохматая девушка принялась суматошно бегать по дому. Нужно было надеть линзы, накраситься, сделать что-нибудь с волосами, чтобы они не торчали во все стороны, позавтракать, не забыть ноты и тетради, и плеер, как всегда, нужно зарядить, и телефон, наверное, тоже, и электронную книжку, а зарядные устройства куда-то резко пропали... И время, время так быстро куда-то спешит!

Мама, глядя, как Марта носится по всему дому, только головой качала, а когда дочь, не забыв побрызгаться задорными и сразу же поднимающими настроение духами «Lol» от любимой марки «Lulu Castagnette», выпорхнула, наконец, из квартиры, громко цокая каблучками по ступенькам, то облегченно вздохнула.

Марте повезло – ее автобус подошел сразу, как только она примчалась к остановке, более того, народа в нем, несмотря на понедельник, было немного, и девушка все полчаса просидела около окошка с наушниками в ушах. Пробки тоже не наблюдались, что Марту очень изумило.

«Кажется, сегодня мой день, – решила она про себя, едва ли не физически ощущая, какое у нее хорошее настроение. – Сегодня со мной точно должно произойти что-нибудь хорошее!»

Едва она подумала об этом, как ее телефон вновь затрезвонил. Некто с незнакомого номера явно хотел побеседовать с девушкой, поскольку звонил с периодичностью раз в десять минут. Марта, правда, не отвечала – она была уверена, что скорее всего это до сих пор развлекается Саша. Он названивал ей до тех пор, пока она не оказалась в универе, а потом внезапно успокоился, позвонив в следующий раз тогда, когда она сидела на лекции по курсу гармонии. Естественно, из-за Саши звук Марта в телефоне не отключила, и тяжелая мрачная мелодия «Красных Лордов» взорвалась в относительной тишине солнечной аудитории, в которой до этого слышался лишь негромкий, но хорошо поставленный и четкий голос профессора Ираиды Ивановны, женщины уже пожилого возраста, но бодрящегося нрава, которая классическую музыку считала верхом духовной эволюции человечества. А вот такие современные музыкальные жанры и направления, как рэп, рок, панк, а тем более уж метал, преподавательница гармонии и за человеческую музыку-то не почитала.

Услышав яростный, переполненный исступлённой священной злостью гроулинг вокалиста «Лордов» с латинским именем Гектор, который перемешивался с молитвенным полупшепотом второго вокалиста Кезона, Ираида Ивановна прервала лекцию и, сдвинув брови, уставилась на студентов. Любитель подобной музыки в стенах консерватории, по ее мнению, существовать не должен был.

– Простите, – кусая губы, на которых блестел перламутровый блеск, проговорила перепуганная Марта, хватая орущий телефон и сбрасывая звонок.

– Продолжим, – кивнула Ираида Ивановна и уже было открыла рот, чтобы договорить свою прерванную мысль, как звонок на мобильнике Марты вновь ее перебил. Славный дуэт Кезона и Гектора вновь заставил студентов переглянуться, а преподавательницу поморщиться. Девушка еще не успела сменить режимы звонков сотового, за что и поплатилась.

«Да что за фигня? Хватит трезвонить, увалень лишний!» – вновь сбросила звонок Марта, ругая на чем свет стоит звонящего, и принялась судорожно шариться по меню, желая поставить мобильник на вибрацию. Ее палец уже был готов нажать «ОК», чтобы подтвердить смену звуковых режимов в телефоне, как известная тяжелая мелодия «Red Lords» вновь

ударила по барабанным перепонкам чувствительной ко всякого рода звукам Ираиды Ивановны. Преподавательница вздрогнула и голосом, в котором появилась сталь, велела:

– Выйдите уже, Карлова, выйдите. Что у вас там такого важного случилось?

Марта встала с места, кивнула и поспешила ко входной двери. Ну, Ника, удружила!

– И впредь выключайте, пожалуйста, у вашего телефона звук, – наставительно произнесла профессор, делая пометочку у себя в убеленной почтенной сединой голове о том, что во время экзамена письменное задание студентки Карловой, что обучается по классу скрипки, необходимо просмотреть с особой тщательностью. И на следующий день – во время устного задания, второй части экзамена по гармонии – провести с ней содержательную беседу.

«Посмотрим, как ты двойную фугу с раздельной экспозицией мне напишешь, любительница метала», – подумала пожилая преподавательница с некоторым предвкушением. Она искренне хотела, чтобы студенты не валяли дурака, а впитывали в себя драгоценные знания, дабы потом суметь с их помощью реализовать себя и стать если не великими музыкантами, то хотя бы хорошими профессионалами, за которых консерватории было не стыдно.

В коридоре Марта, прекрасно понявшая, что разозлила профессора, а потому злобная, как демоница, едва ли не красными радужками с вертикальными зрачками уставилась на мобильник. Тот, как почувствовав это, снова ожил.

Теперь Марта решила ответить. Смелость накатила на нее холодной волной, пробудив попутно еще больше злобности.

– Хватит сюда звонить! – прошипела она в трубку. – У тебя что, мозги повывелись? Если человек отклоняет звонки, зачем ты все время трезвонишь?

– Где Ника? – спокойно спросил мужской баритон, пропустив вопли Марты мимо ушей. В этом голосе девушка, конечно же, сразу узнала бывшего сестренки, и подкорки ее сознания тут же прониклись им.

– Замуж вышла, – издевательски отвечала Марта. – Просила не беспокоить.

– Правда?

– Кривда.

– Ты же сестренка Ники? Позови ее. – Все еще думал, что телефон принадлежит бывшей девушке Саша. По его мнению, строптивая временами Ника просто-напросто игнорировала его, попросив сестру взять трубку.

– Да нет тут никакой Ники!

– Действительно?

– Нет, я тебе вру!

– Я знаю. – Было очень трудно переубедить упрямого Сашу в чем-либо.

– Что знаешь? – не поняла Марта.

– Что ты мне врешь, – сообщил молодой человек. – Она не хочет со мной разговаривать? До сих пор злится?

Марта, откинула назад мешающиеся длинные волнистые пряди светло-русых волос и вздохнула, как дракон.

– Ты дурак? – прямо спросила она, зная, что через пять минут пожалеет, что так резко общалась с незнакомым человеком, к тому же парнем. – Естественно, она на тебя злится! Хотя это было и давно, но она все равно помнит, как ей было хреново, когда ты написал ей, что нашел другую! И как тебе только не совестно возвращаться к ней даже спустя несколько лет после такого поступка!

– Прекрати орать, – скорее посоветовал, нежели попросил Саша.

– Мог бы, как нормальный парень, сказать ей лично, что разлюбил и нашел другую, а ты просто-напросто уехал! – не могла остановиться Марта, вспомнив, как плохо было Нике

в тот день, да и на следующие тоже. Ее буквально ломало, как наркомана, лишенного дозы. – Ты знаешь, как Ника страдала из-за тебя? Сколько плакала?

– Нет.

– А что она чувствовала?

– Не знаю. Я ведь не Ника, – было прямым ответом взбешенной Марте. Она была человеком очень тактичным и всегда интуитивно знала, как и что нужно сказать, чтобы не обидеть человека или, напротив, сделать ему неприятно.

– Ты даже не понимаешь, что ты тогда наделал. А если бы моя сестра покончила с собой? – поинтересовалась она ангельским голосочком. Сейчас Марта говорила об этом легко, с нужной каплей издевки, а ведь тогда она действительно в какой-то момент боялась, что кухня может себе что-нибудь сделать. Правда, потом девушка поняла, что Ника не из тех, кто из-за сломанной любви может распрощаться с жизнью, но неприятный осадок все равно остался. Ника – девушка сильная, куда сильнее духом самой Марты, – по крайней мере ей самой так казалось.

– У тебя стадия гнева началась, девочка? – не зло, а скорее с любопытством, спросил Саша. – Позови Нику. Или мне тебя уговаривать?

– Не уговоришь.

«Боже, ему же явно мозг давит», – про себя вздохнула девушка и, посчитав, что разговор можно считать завершённым, сказала Александру, что он отвратительный мужчина, которому отношений с нормальными девушками не светит, как демонам райских чертогов, и все, чего, вернее, кого он достоин, – это девушки сомнительных моральных принципов.

– Я же на тебя разозлюсь, – в шутку пригрозил Марте Саша, и та, почувствовав, что уровень ее внезапной смелости падает, струхнула.

– Не отвлекай меня больше. Это не телефон Ники. И вообще, отстань от нее, – командовала она парню, выключила мобильник, еще раз обругала Александра, а затем и саму себя, выключила, наконец, звук, поменяв его на вибрацию, написала жалобную смс Нике, которая в это время находилась на работе, и поплелась в аудиторию.

* * *

Скрипачка и знать не знала, что Александр очень сильно хотел поговорить с Никой. А если он чего-то или кого-то хотел, тем более сильно, то добивался желаемого. За ценой Саша мог и не постоять, да и средства его зачастую были не самыми хорошими. «Что мог, то использовал», – было одним из его девизов.

Вчера он, думая, что взял номер телефона Ники и названивая на мобильник Марты, слегка разозлился, поняв, что бывшая девушка не желает с ним разговаривать. Нет, он прекрасно осознавал причины этого, но его желание было куда важнее. А поскольку было уже довольно поздно и у Саши были серьезные дела, он решил поймать Нику завтра.

Специально не ложась спать после бурной ночи, парень, отлично помнящий адрес Ники (черт, ему столько раз хотелось написать ей или как-нибудь связаться, но этого делать было нельзя!), не поленился подъехать к ее дому, чтобы перехватить там, но опоздал. Как сказала не узнавшая его мама девушки, Ника уехала вместе с отцом на работу – он решил подбросить дочь на своей машине. На вопрос Саши, где работает Ника, женщина ему ничего не ответила и захлопнула дверь прямо перед его носом.

Он, нервничая – собственная беспомощность всегда заставляла его это делать, – а потому еще больше злясь, закурил на переднем сиденье своего «БМВ», высунув руку в окно, и, прищурившись, глядел на серо-синее не выпавшееся небо. Он обдумывал план дальнейших действий и глупое, с его точки зрения, поведение Ники. К тому же во времени он был

ограничен – вечером ему следовало вернуться на пару дней в другой город, где у него с недавних пор был налажен свой бизнес.

Торчащие во дворике мальчишки, которые явно прогуливали школу, с любопытством таращились на его сверкающее под ленивым солнцем авто.

– Это «BMW 6», – восторженно говорил один из них, картавя.

– Разуй глаза, это «BMW 7», – спорил с ним вихрастый друг, сидя на заборе и болтая ногами.

– Шестая серия!

– Седьмая!

– Шестая!

– Дяденька! – не выдержал вихрастый паренек. – Это чего у вас за машина? «БМВ 7»?

Саша, удивленный, что дети осмелились с ним заговорить, медленно повернулся в их сторону и небрежно кивнул.

– Дяденька говорит, что седьмая! Эх ты, недоумок! Не разбираешься в тачках!

– Да сам ты дурак! – рассвирепел второй мальчишка.

– Не нарывайся! Удод!

– Да ты сам такой!

Вновь началась ссора, грозившая вот-вот перерасти в потасовку: оба мальчика воинственно пыхтели и сжимали кулаки.

– Пацаны, а в школу вам не пора? – щурясь на ярком солнце, спросил у ребят дяденька Александр. Их крики, раздающиеся чуть ли не у него под ухом, ему не нравились. Он вообще в последнее время ценил тишину и стабильность.

– Чего? – недоуменно уставились на него оба паренька.

– В школу топайте, детки, – с наслаждением выдохнул терпкий дым Саша. – Учиться нужно. Учиться, учиться и учиться, как говорил дедушка Ленин – а вы, наверное, думаете, что это памятник в центральном парке... Печально. – Он снова затаился и выдохнул чуть ли не в лицо мальчишкам. – Короче, в школу валите.

Пока дети изумленно на него таращились, Саша резко газанул вперед. На лице у него проскользнула легкая улыбочка. Детей он никогда особенно не любил и не понимал, как с ними общаться. И зачем велел паренькам идти учиться, сам не понял. Зато само действие его позабавило. Не так давно и он сам прогуливал школу и универ. Например, сбегал с пар к малышке Нике, чьи волосы тогда были намного короче и светлее – тогда она красилась в блондинку. И они отлично проводили время вместе. Пока не произошло кое-что важное, изменившее жизнь Александра.

Вспомнив бывшую девушку и первую любовь, он вновь улыбнулся – уже как то невесело и почти незаметно. А это забавно – когда-то он был влюблен. Это даже почти мило.

Кстати, надо бы ей еще раз позвонить. Она думает, что так легко от него отделается? Наивная малышка, очень наивная. Пока у него есть возможность, он не отступит.

Александр вновь набрал номер телефона Марты, не подозревая, что девчонки его одурачили. Она опять не брала трубку, а он все звонил и звонил. Потом, наконец, с ним поговорила младшая сестренка Ники – Саша продолжал считать, что они сейчас вместе. Девчонка наорала на него, чем сначала развеселила, а потом стала рассказывать с праведным гневом в голосе, как Нике было без него плохо и больно. Если бы это была не родственница Ники, Александр бы давно и очень далеко послал бы юную нахалку в пеший тур по заграницам, но поскольку девчонка была кузиной Ники, он предусмотрительно не стал этого делать. Наверное, здесь сыграл его внутренний разграничитель «Свои-чужие», самостоятельно определяющий степень вежливости с теми или иными людьми. Хоть он и не знал Марту, она автоматически стала для него «своей», поскольку являлась сестрой важного для него человека. А «своих» Саша обижать не привык – по крайней мере до поры до времени.

После милого разговора с Мартой, поняв, что Ника к телефону не подойдет, Саша позвонил другу и попросил попытаться найти данные о месте работы Карловой Ники. Однако тут его постигла неудача – поскольку Ника работала недавно, она еще не успела официально трудоустроиться в своей фирме, и Сашу ожидал господин Облом Обломыч собственной приятнейшей персоной.

Увидев, что пачка сигарет пуста, а курить все еще хочется (гребаные нервы!), молодой человек затормозил около какого-то невзрачного ларька, рядом с которым тусовались местные гопники, ранними пташками порхающие под действием то ли травки, то ли чего-то более сильного. Наверное, из-за того, что парни были в не слишком адекватном состоянии, они и привязались к Александру, только что купившему в ларьке сигареты, правда, не слишком хорошие. Его любимых, конечно же, не оказалось.

– Вот же дрянь, – сам себе сказал он, закуривая от дорогой зажигалки.

– Эт ты мне? – насупившись, поинтересовался один из гопников, а Саша, покачав головой, как бы говоря: «Везде одно и то же!», промолчал.

– Эй, братан, ты чего игнор включил, смелый, что ли? – явно не понравилось парню в спортивных и в клетчатой рубашке такое пренебрежительное отношение к его другу, которому послышалось, будто бы его обозвали дрянью. А может быть, он просто искал повод, чтобы придрататься к выглядевшему презентабельно и даже интеллигентно-невинно Саше.

«Мать вашу, как же вы меня все замучили», – мысленно закатил глаза Александр. Его лицо оставалось спокойным – огонь гнева незачем распалать ради местных пацанов. А они продолжали играть в свою любимую игру по отработке материальных ценностей и денег у случайных лохов, а также по их запугиванию. А нечего таким шататься по их району!

– Че глаза ломаешь?

– Нарываешься, кент?

– Сиги есть? – глядя прямо на пачку сигарет, весьма ехидно спросил один из товарищей. Его слегка пошатывало от дозы неизвестного легкого наркотика.

– А ты слепой? – небрежно обронил Саша, выпуская дым.

– Че?

– Или тупой? – все с нарастающим раздражением спросил Саша, почувшавший, что ребята настроены против него слишком агрессивно.

– Че ты сказал?

– О-о-о, ты глухой, – поморщился молодой человек. – Да у тебя целый букет болезней, брат. Лечишься?

– Сука, я тебя сейчас сам тут вылечу! – набросился на него все же самый враждебно настроенный парень, но Саша ловко поставил блок и, увернувшись от удара, с чувством собственного превосходства отправил парня на землю, заехав ему в челюсть. Что-что, а драться он умел. Пришлось научиться. Отец всегда считал, что решать дело кулаками – это нелегко, это первобытный «дикий фарс», ведь «настоящий человек должен уметь решить проблему головой, с помощью здравого холодного рассудка»! Да, он так не раз говорил еще маленькому Саше. Но что бы он делал в такой ситуации, один против – сколько их там? – пятерых? Начал бы вещать о том, что люди должны жить в гармонии и мире между собой? Давать советы, как стать менее агрессивными и более дружелюбно настроенными? Или уже лежал бы с разбитой головой и без денег на асфальте?

– Тебе конец, – радостно объявил Александру один из гопников. Он явно предвкушал скорую расправу.

– Правда? Мне так страшно. Ужас какой! – оскалился тот в своей фирменной улыбочке, а после ему пришлось отбиваться уже от двоих. Печально, но ему испортили новый пиджак и, что еще более печально, отлично заехали по ребрам и едва не угостили «солнышком», не самым ласковым ударом. Однажды Саша поймал такой удар – по солнечному сплетению,

неожиданный и резкий, на вдохе. Тогда его не без труда откачали – он упал, и вдохнуть воздух было единственным его желанием.

Подобное мимолетное, но крайне болезненное воспоминание еще больше омрачило Сашу. Он зло и коротко выругался, отпрыгнув в сторону, и почти неуловимым движением достал из поясной кобуры, спрятанной под лапами удлиненного пиджака, довольно компактный пистолет. Пальцы ловко и привычно держали оружие, а дуло его, направленное в сторону противников, каким-то расчудесным образом за пару секунд сделало их очень и очень скромными. Гоп-компания застыла на месте, растерянно глядя на оружие.

– Это «Смит – Вессон», тысяча шестой, – куда более веселым голосом, чем ранее, проговорил Александр, быстро оглядевшись – камер он не приметил, как и посторонних людей, которые могли бы это заснять. – Отличная штука, ребята. Кто хочет попробовать его на вкус первым?

Желающих, естественно, не оказалось. Молодые люди, напротив, даже отступили от Саши на пару шагов назад, хотя прекрасно понимали, что для вездесущей пули пара десятков сантиметров – не помеха. А Саша, в улыбке которого было само воплощение доброты и милосердия к ближним на этой грешной земле, шагнул к парням, все так же прочно держа пистолет в руке.

– Ну что? Претензии, вопросы, предложения, суждения? – склонив черноволосую голову набок, поинтересовался Саша. – Я все выслушаю.

– Э-э-э, парень, мы же просто... – забормотал тот, кто первым набросился на него, став куда более смиренным. – Это типа мы так пошутили.

– А я шуток не понимаю, – серьезно отвечал держащий оружие. – У меня атрофированное чувство юмора. Полностью и навечно. Что делать будем, ребятки?

– Опустит пушку, ты чего? Слушай, мы уйдем, лады?

– Реально, ты чего? Опустит игрушку, мы же прикалывались.

– Хорошо, идите, – вдруг сжалился Саша, но как только парни сделали еще пару шагов назад, уже готовясь бежать прочь со всех ног, он злорадно крикнул: – Стоп! Стоп, пацаны. Я передумал! Стоять всем. Эй, мадам, – обратился он к женщине-продавщице, которая с квадратными глазами выглядывала из окошка (никого в округе больше в эти минуты не было). – Мадам, нажмете кнопку вызова ментов, вам будет очень неприятно.

Женщина кивнула.

– Заканали со своими разборками, молокососы, – пробурчала она. Из-за близости общежития, где проживали не самые добродушные и неконфликтные люди, женщина привыкла ко многому, в том числе и к многочисленным дракам. Да и муж у нее когда-то сидел за драку, и брат тоже – хватило ему ума в банду Пристанских ввязаться, остолопу. Лучше бы свое ПТУ закончил и работал, как человек, нет же, на нарах сейчас!

– Эй, чувак, да отпусти ты нас, – вновь жалобно попросил один из гопников.

– Ну че ты...

– Шутковали же...

– Че мы тебе сделали-то?

– Напугали до чертиков, – отозвался Саша с самым задумчивым видом. – А не хотите ли вы сплясать мне канкан?

– Че? – вытаращились на него парни.

– Канкан, и я вас отпускаю. Как предложение?

Парни явно растерялись еще больше. Даже им, недавно покурившим травку, поведение Саши показалось чуть-чуть неадекватным. Он явно издевался над ними, правильными пацанами.

– Ну что? – продолжал веселиться их мучитель.

– Это танец такой, – вспомнилось вдруг одному из них, видимо, самому просвещенному. – Где девки ноги задирают! Вот так!

И парень пару раз попрыгал на месте, попытавшись задрать то левую, то правую ногу вверх. Это оказалось делом трудным, почти невыполнимым: конечности не желали в прямом виде задираться высоко вверх, и «танцор» чуть не упал, после чего изощренно выругался и вновь попытался повторить свои действия, став похожим на пинающегося Петрушку.

Увидев столь дивное зрелище, Саша рассмеялся и, махнув пистолетом, все же разрешил:

– Ладно, идите и идите быстро. Еще раз увижусь с вами, тогда не серчайте и не обижайтесь.

Дважды повторять ему не пришлось: несостоявшиеся обидчики мигом оказались вне зоны досягаемости пуль пистолета. Правда, степень их злобы и обиды стала непропорционально большой, и еле слышно гопники едва ли не дружно поклялись «урода с пестиком» найти и «замочить».

– Вот дураки, – спрятал пистолет обратно Саша. Их угрозы он не слышал. А если бы и услышал, то скорее всего не очень-то и напугался. – Это же малыш «Crosman 1008», пневматика, а не крутой полуавтомат «Смит и Вессон». Даже отличить не могут. Все в порядке? – спросил он у продавщицы. – Надеюсь, господа с мигалками сюда не едут?

– Не едут, – отозвалась та неприветливо. Саша кивнул и неспешно пошел к своей машине. Около нее он остановился и резко развернулся, после чего поднял бровь. За близ расположенным тускло-красным гаражом-ракушкой промелькнули две мальчишеские головы, одна из которых была знакомо вихрастой.

– Выйди, – приблизившись к древнему гаражу, сказал Александр, понимая, что мальчишки никуда не смогут сбежать – дальше только высокий забор, за которым начинается заброшенный детский садик.

Вроде бы он произнес это спокойным тоном, но пацаны, с опущенными глазами появившиеся перед ним, были явно напуганы. Кажется, сценка с оружием, свидетелями которой они случайно стали, ребят впечатлила даже больше, чем недавно вышедшая новая игра «Mortal Combat».

– Я же сказал: идите в школу, – покачал головой хороший дяденька Саша. – Или я говорю невнятно?

Мальчишки спешно покачали головами.

– А вы еще не в школе! – рявкнул он.

– А у вас пестик настоящий? – несмело спросил один из них, приглаживая вихры.

– Настоящий, – не стал говорить правду Саша. – Быстро в школу!

Прогульщики мигом развернулись – предположительно по направлению к тому замечательному месту, где находилась их родная школа, – и поспешили выполнить указание.

– Стоять, – велел Александр внезапно, уже второй раз. Дети тут же остановились как вкопанные и большими ословелыми глазами уставились на Сашу. А от них-то что этому дядьке на «бэхе-семерке» надо?!

– Что в карманах? – неожиданно спросил Саша.

– А?

– Курить еще не рано, мои маленькие друзья? – поинтересовался парень, острым глазом заприметив в кармане одного из мальчишек пачку дешевых сигарет.

– Чего? – вылупились на него те непонимающе.

– Карманы выворачиваем, – велел безгранично добрый парень. – И то, что детишкам вроде вас носить не положено, отдаем мне.

Уже через минуту Саша стал обладателем пачки сигарет, двух зажигалок, карт с неприличными картинками интимного содержания, а также лазерной указки. Ее он конфисковал

со словами, что такие раздолбаи, как эти двое пареньков, всенепременно начнут светить указкой кому-нибудь в глаза.

– Например, летчикам, – добавил он, веселясь, но не показывая этого. – Которые будут сажать самолет. Аэропорт, кстати, недалеко.

– Мы такого не делали, – проговорили вразнобой, но с трудом мальчишки, которые моментально единодушно сошлись во мнении, что лучше надо было в школу идти, чем шариться по району. Указкой они и правда баловались.

– Правильно, и не надо, – слегка прищурился молодой человек.

– А дайте пестик посмотреть? – не отставал вихрастый.

– Я тебе сейчас по лбу дам, – по-отечески отвечал Саша. – Все, дуйте в школу. И не курите. – Парень великодушно махнул, давая знак детям, что они могут быть свободными. После, не без улыбочки проводив сверканье их пяток взглядом, он уселся в машину, завел мотор и поехал дальше, по пути вновь набирая номер телефона Ники. И опять ответа не было.

Это еще больше раздражило Сашу. Когда желаемое – а точнее, желаемая – убегало от него, в нем просыпался охотничий инстинкт и воистину мужской азарт, разливающийся по крови сродни адреналину и заставляющий действовать, догонять и завоевывать.

Вот же капризная девчонка, маленькая оторва – не хочет брать трубку, показывает характер. Пусть-пусть, он ведь все равно ее найдет.

– Ну, хоть кто-то из всей этой кодлы детей уму-разуму поучит, – фыркнула про себя продавщица, провожая взглядом дорогую тачку черноволосого красавчика. Эх, была бы она моложе лет на двадцать, просто так этот герой от нее не ушел бы.

Александр, не подозревая о думах продавщицы, выехал на оживленный и освещенный ярким солнцем проспект, продолжая упрямо звонить бывшей, не веря, что это телефон ее сестры, когда вдруг та совершенно неожиданно взяла трубку.

– Кто это? – тут же спросил он, поглаживая указательным пальцем кожаную перетяжку руля. Сейчас его авто остановилось перед светофором, на котором для владельцев машин горел красный зловещий свет.

– Э-э-эм, хозяйки телефона сейчас нет, – прозвучал незнакомый звонкий голосок. – А я – подруга. Но она скоро будет. Ей что-нибудь передать?

– Нет, ничего не надо, – мигом сообразил, что нужно сделать, Саша. – Это моя девушка, и я хотел бы приехать к ней.

– У Карловой есть парень? – выдохнула в трубку ее подруга, а молодой человек самодовольно улыбнулся. Пока, кажется, нет, но скоро будет. А забавно выходит. Он ведь действительно не думал, что встретит ее в тот день, когда прилетит в родной город.

– Да, – с легкой душой подтвердил Александр. – Девушка, вы мне не поможете?

– Чем же?

– Где вы сейчас находитесь?

– Мы? – слегка растерялась та. – А-а-а... В первом корпусе консерватории.

Темные, не слишком широкие брови Саши удивленно изогнулись. Что Ника делает в консерватории? Учится? Так ведь вроде бы никогда не занималась музыкой, да и поет она, если честно, не слишком-то уж и хорошо. Хоть Саша и не очень любил музыку, но слух у него был хороший. Недаром в детстве родители заставляли Александра ходить в музыкальную школу, где его пытались выучить игре на пианино и даже занимались постановкой вокала – он пел в хоре. Увы, после седьмого класса дальнейшему обучению в школе Саша резко воспротивился – ну не круто было подростку-парню заниматься в музыкалке, тыкать в черно-белые клавиши и послушно распевать идиотские песенки! А вот брейк – другое дело. Да и на занятия по самбо он ходил с удовольствием. И в тренажерку – тоже. Физическая сила была для него более привлекательна, нежели какие-то абстрактные творческо-музыкальные

способности. Пусть этим занимаются девочки и правильные мальчики. Те самые, которые не могут защитить ни себя, ни своих близких. Александру вдруг вспомнился один не самый приятный случай, когда его одноклассника, которого все обзывали ботаником из-за его рьяной любви к учебе, избili в классе десятом пацаны из параллели. Избили не по делу, даже деньги не отбирали и не угрожали, а сделали это просто так, потому что прогуливали историю и им было скучно.

Впрочем, воспоминание было мимолетным и подобно сигаретному дыму выветрилось из головы Саши. И он снова задался вопросом, что делает в консерватории Ника.

«От меня, что ли, прячется?» – вдруг со смешком подумал парень. Охотничий инстинкт, запрятанный до поры до времени в черно-красную капсулу, стал рваться наружу с утроенной силой. На капсуле появились трещины – далеко уже не первые.

– В первом корпусе консерватории? Хорошо, – отозвался Саша, прикидывая, как быстро он доедет дотуда. Вроде бы в родном городе он столько лет не был, но память отлично сохранила в своей структуре план улиц.

– А почему вы спрашиваете? – поинтересовалась девушка.

– Хочу приехать и сделать ей сюрприз, – ответил Александр. И это было недалеко от истины.

– Ого! А какой?

– Секрет. Скажите мне этаж и номер аудитории, или где вы там сидите? – ничего не знал об устройстве высшего музыкального учебного заведения парень. Подруга Ники скрывать ее местонахождение не стала и подробно рассказала, где конкретно сейчас находится их группа, сколько еще будут длиться занятия, и даже то, как лучше проехать к нужному зданию.

Саша, радуясь своей небольшой победе, сдержанно поблагодарил разговорчивую девушку и попросил, чтобы та ничего не говорила подруге.

– Иначе это будет не сюрприз, – сказал он, услышал восторженное: «Конечно, не скажу!», и повесил трубку. Удивительно, но больше по дороге в консерваторию он ни разу не останавливался на красный – для него везде горел зеленый.

Пока он добирался до нужного места, обдумывал, что же все-таки забыла в стенах высшего музыкального учебного заведения Ника. Может быть, она там работает, к примеру, в администрации? Учеба точно отпадает.

Саша, умудрившийся обогнуть огромный и выплевывающий хмурый серый дым грузовика, вспомнил вновь, как когда-то давно отец говорил матери, что неплохо было бы, если их старший сын когда-нибудь поступит в эту самую консерваторию. Саша услышал это случайно, стоя перед дверью, ведущую в родительскую спальню, и тогда его обуял гнев – он едва ли не с детства ненавидел, когда его жизнью кто-либо распоряжался, пусть даже собственные родители. Но против их правил пошел, естественно, только в подростковом возрасте, когда почувствовал в себе силы к сопротивлению.

Кстати, единственным плюсом от занятий в музыкалке было лишь то, что Александр, более-менее прилично знакомый с миром нот, быстро научился играть на гитаре. Это всегда отлично помогало ему завоевывать девчонок – они все почему-то тащились только от того, как он управлялся с музыкальным инструментом, ловко перебирая пальцами по струнам.

И с крошкой Никой они познакомились именно из-за того, что в шумной компании, справляющей чей-то день рождения, он начал играть на гитаре, завладев вниманием всей женской аудитории, в том числе и вниманием Ники. До этого она Сашу даже не замечала, а флиртowała с его другом. Он же заметил ее почти сразу и, честно говоря, даже разозлился, ибо не привык, что девушки его игнорируют. Зато потом, после того как он специально подсел к Карловой и специально для нее сыграл одну из ее любимых песен, предварительно узнав у подружек музыкальные пристрастия Ники, они как-то незаметно разговорились, провели

весь вечер вместе, шутя и смеясь, и после, уже темной зимней ночью, когда на небе царствовал тонкий полумесяц, он, провожая ее домой, поставил перед собой задачу обязательно поцеловать Нику перед подъездом. Задачу эту он успешно выполнил.

Через сорок минут Александр уже был в консерватории, предвкушая еще одну встречу с той, которая не хотела забываться целых несколько лет. Может быть, хотя бы сейчас они поговорят спокойно? Было бы весьма неплохо.

Оказывается, он скучал по ней.

* * *

Марта же, не зная о хитросплетениях судьбы и глупости подружки, в самом начале перемены, после лекции по гармонии, убежала с одноклассницей в столовую, где должна была купить поесть не только себе, но и порядком оголодавшим девчонкам, и вернулась в аудиторию только лишь в конце перемены. Телефон она легкомысленно оставила на своем столе и понятия не имела, что Надя – одна из ее подруг – ответит на звонок Саши и сдаст ее.

– Если хотите долго жить, отправьте Марту за смертью, – приветствовали Марту подруги, разбирая купленное ею в столовой. Карлова была хорошо известна своими бесконечными опозданиями и проблемами со времявосприятием.

– Эй, малышка, ты чего такая грустная? – спросила Надя лукаво.

– Вы бы в этой очереди постояли, тоже б устали, – отозвалась та и потянулась к телефону. Новых вызовов, на удивление, не было. Придурок уgomонился? Ника ей, кстати, на лекции писала смски, где очень просила не брать трубку. Она, наверное, и сама не рада была, что так подставила младшую сестренку.

– Ждешь звончек? – спросила Надя, со странной улыбочкой глядя на девушку.

– Не-а, время смотрю.

– Ну-ну... – явно не поверила девушка.

– Карлова, а у тебя друг случайно не появился? – перегнувшись через парту, поинтересовалась еще одна подружка-сокурсница Марты.

– С чего вдруг? – с набитым ртом спросила та. – Из невесомости он, что ли, у меня появится? В окно из космоса прилетит? – Она для наглядности помахала руками, словно огромными крыльями. Движения Марты были несколько смешными, немного детскими, но плавными и какими-то обаятельно-артистичными. Точно такой же была и ее улыбка. Она появлялась на лице Марты часто, даже в те моменты, когда ей было совсем и не смешно, а, напротив, грустно или волнительно.

– Кто тебя знает, – усмехнулась ее подруга.

– Я сама себя знаю, – вздохнула девушка. Она бы очень хотела с кем-нибудь встречаться, да только вот те, кто ей нравился, или были заняты, или жили далеко. Тот же Феликс, например. Да и времени на личную жизнь у нее часто не хватало – музыка, как голодный зверек, съедало его едва ли не полностью. Особенно раньше, хотя и сейчас она, Марта, не бездельничала.

Не слишком внимательная девушка даже не обратила внимания на хихиканье подружек и на их переглядывания между собой. Поэтому когда перед началом следующей лекции по истории музыки дверь в аудиторию отворилась и вместо пожилого, но жутко энергичного и подвижного профессора в проеме показался высокий брюнет со спокойным жестким лицом, она жутко удивилась и возжелала оказаться под партой.

Быть того не может!

Этот умник нашел ее! Нашел! Вы посмотрите только! А моська-то у него какая довольная!

Должно быть, у парня шикарная травма обоих полушарий или полушарие и вовсе единственное, не справляется с такой нагрузкой на черепушку. Бедняжка Ника. Вот же у нее бывший стукнутый!

Темноволосый между тем обвел огромную аудиторию взглядом внимательных глаз, в которых прямо-таки жили непоколебимость в собственных убеждениях и упрямство. Его цепкий взгляд почти тут же остановился на замершей Марте. Ей ничего не оставалось делать, как с хмурым выражением лица, на котором застыла неестественная полуулыбка этакой дурочки, помахать ему рукой. Амплитуда махания была впечатляющая – целых сантиметра три, не больше.

Саша, уверенность которого была его второй ипостасью, не обращая внимания на окружающих, широким шагом поднялся к девушке. Он намеревался узнать у нее, где, собственно, пропадает Ника. А вот другие находящиеся здесь люди считали иначе. Им, несведущим, казалось, что Александр преследует совершенно иные цели.

– Ух ты, какой, – толкнула Марту в бок Надя, заглядевшись на статного молодого человека. – Ну прямо секси-бой, да?

– Ага, вообще, Джигурда отдыхает, – вяло отреагировала девушка, настороженно наблюдая, как Александр подходит к ней. Однокурсницы, конечно же, тут же стали тараторить на него с особым интересом. Хотя на потоке хватало и своих парней, появление такого видного молодого человека не могло остаться незамечным.

– А говорила, что друга нет, – потыкали Марту в спину девчонки сзади. Она дернулась и украдкой показала кулак.

– Привет, – подошел к столу Марты Александр.

– Ага.

«Сейчас спросит, где Ника», – подумалось Карловой. Ей сделалось тоскливо. Дурацкая ситуация. Сестра с ума от смеха сойдет, не иначе!

– Ну, где Ника? – тут же поинтересовался, как по заказу, Саша. Он наклонился к девушке, положив локти на ее парту, и говорил негромко, поэтому никто не слышал его, кроме Марты.

– Не знаю, – хмуро отвечала ему та, чуть отодвинувшись назад. Молодого человека это движение ничуть не смутило. Казалось, он даже и не замечает, насколько близко находится его лицо с лицом младшей сестренки его бывшей любви.

– Где она? – повторил Саша, глядя прямо в глаза Марты.

– Не знаю. Говорю же, не знаю.

– Врут только плохие девочки. А ты, как я вижу, хорошая.

– Я не вру! И... и как ты меня тут нашел? – выпалила Марта.

– Милая девочка, еще раз – где твоя сестра? – слышал словно только себя молодой человек.

«Сумасшедший он, что ли?» – с великой неприязнью подумала про себя девушка.

– Ну, на работе, наверное, – отвечала она. – Слушай, чего ты....

– Марта-Марта, – еще ближе приблизился к ней молодой человек. Эти слова были сказаны шепотом в самое ухо брюнетки – его губы даже на мгновение коснулись ее светлых непослушных волнистых волос. – Мне очень нужно сейчас увидеть твою сестренку.

Подружки Марты, столпившиеся в стороне, синхронно захихикали. Им с их ракурса казалось, что Саша целует Карлову в щеку. И девушки дружно посчитали это очень милым. И даже немного романтичным.

– Наверняка он ее на свидание зовет, – сказала темноволосая Надя, наблюдая за парочкой. Она вроде бы, с одной стороны, и была рада за подругу, вдруг неожиданно обзаведшуюся другом, но, с другой стороны, ее за щеку колола тонкой иглой зависть в легкой белой накидке. Впрочем, чуть позднее многие девушки в этой аудитории, сейчас переполненной

ярким солнечным светом, испытали эти уколы зависти, только для многих из них она была облачена в черные траурные одежды – так велика она оказалась. И иногда в пальцах зависти была вовсе и не игла, а самая настоящая шпага, которая колола до самой крови.

– Где я тебе ее возьму? – продолжала бухтеть Марта. – Не знаю я, где Ника.

– Хорошо. Давай выйдем в коридор, – предложил Саша. Он явственно ощущал, как в их сторону направлено множество взглядов, а обсуждать свои личные проблемы при музыкально одаренных детках ему не хотелось. – И поговорим.

Марта огляделась – уши сокурсников выросли в разы, превратившись в локаторы, и шевелились в воздухе, пытаясь уловить то, о чем разговаривает с Карловой незнакомый парень.

– Пошли, – вздохнула девушка. Ей внимание тоже было ни к чему.

Они вышли из аудитории и остановились около большого – почти от пола до потолка – витражного квадратного окна с хитрыми переплетениями выразительных цветных узоров на стекле. В самом его центре, в ромбе, была искусно изображена прекрасная Персефона, греческая богиня подземного царства и жена Аида, которую он коварно умыкнул едва ли не под носом у ее матери Деметры. Темноволосая дева с плодом граната в руках смотрела на Марту печально и одновременно мягко, даже нежно, с чутким пониманием, без которого общение с Аидом, властелином древнегреческого ада, явно было бы невозможно.

Марте с самого первого курса нравился этот витраж, и она ловила себя на том, что иногда, находясь поблизости, просто так смотрит на изображение античной богини. А вот Александр вроде бы на произведение искусства внимания не обратил. Сюжетный витраж был для него не более чем разноцветным окном – да, в общепринятом смысле красивым, но бесполезным. Единственное, о чем он вдруг подумал, так это о том, что Ника любила фрукты – особенно гранаты.

– Ну и что ты от меня хочешь? – недовольно посмотрела Марта на Сашу. Этот парень никем ей не приходился, но она непонятно от чего нервничала и продолжала слегка стесняться его. Или, может быть, это было из-за того, что она нахамила ему по телефону?

– Хочу твоей теплоты и ласки, – без улыбки пошутил тот, и на миг девушка подумала, что он говорит всерьез, внутренне сжавшись. К тому же в эту минуту около них прошли сокурсники Марты и, судя по их лицам, фразу Саши они расслышали. Карлова мысленно всадила в бывшего Ники пару острых отравленных ножичков и улыбнулась ему, скрывая за улыбкой тревогу и растерянность.

– Я хочу совсем немного, – продолжал тем временем Саша. – Хочу знать, где работает Ника.

– Без понятия. – Адреса и названия организации девушка пока еще не знала. Она лишь однажды была на месте работы кузины, неделю назад, когда та устраивалась. Марта за компанию приехала туда вместе с Никой и дядей на его машине и ждала их в салоне, а после они втроем поехали в торговый центр – покупать подарок на день рождения Никиной мамы. Это Марта и принялась объяснять Саше. Выходило слегка невнятно, и он пару раз переспрашивал ее.

– Вот как? – потер подбородок молодой человек, внимательно выслушав весь этот, как ему казалось, бред. – Так. А почему ты отвечаешь по ее номеру?

– Это мой номер, – рассерженно свела к переносице не слишком темные, но хорошо очерченные брови девушка. – Ты вчера не ее телефон хапнул из рук, а мой! Вот, посмотри, его просто Ника в руках держала. – И она вытащила свой мобильник, дабы продемонстрировать его Александру в качестве доказательства. Тот, видимо, проникся этим.

– Надо же, – покачал молодой человек черноволосой головой. – А забавно вышло, не находишь?

– Нахожу, – буркнула девушка в ответ. – Слушай, мне в аудиторию надо, сейчас лекция начнется. Раз мы выяснили с телефоном, я пойду.

– Стой! – скомандовал Саша, как только Марта сделала всего лишь шаг назад.

– Что еще? – нехотя обернулась она.

– Раз я перепутал ваши мобильники, дай мне номер телефона твоей сестрички. И не вздумай говорить, что у тебя его нет. – Увидев глаза Марты, Саша чуть сбавил тон, поняв, что несколько грубовато разговаривал. – Сестренка, мне действительно нужно увидеться с Никой. И желательно, сегодня, поскольку я уезжаю. Я буду тебе очень благодарен. Конечно, я могу узнать его другими путями или просто дождаться ее около дома, но у меня уже нет времени.

Длинноволосая девушка, поняв, что спорить с ним бесполезно и обмануть не получится (да и страшновато это делать), подняла ладони кверху, по привычке вежливо улыбувшись.

– Хорошо, записывай. Я его наизусть помню. – И она продиктовала ему нужные одиннадцать цифр.

– Спасибо, сестренка. – Александр тоже растянул тонкие губы в улыбке. – Я своих слов не бросаю на ветер, так что за мой должок. Если что, свяжись со мной. – И он протянул девушке визитку – оформленную по-деловому просто, но не без стильной современной элегантности, к тому же выполненную, как поняла Марта позже, с помощью метода шелкографии.

И он, поднеся мобильный телефон к уху, направился прочь. Марта только головой покачала, мол, «лечись лучше, дурачок», и стремительно направилась назад в аудиторию. Там, сев на свое место и упрямо игнорируя взгляды подружек, она бросила взгляд на двухцветную бежево-серую визитку и слева от незамысловатого логотипа, в котором преобладали прямые темно-синие линии, прочла:

«РОСТТРЭНД»

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР

ДИОНОВ АЛЕКСАНДР ВЯЧЕСЛАВОВИЧ»

Ниже были указаны его номера телефонов. Более никакой полезной да и бесполезной информации на визитке не наблюдалось.

«Александр Вячеславович, – хмыкнула про себя Марта, – какой ты Вячеславович? Я тебя Сашком звать буду. Генеральный директор. Вы только посмотрите на него! Директор чего? Кустов? Дураков? Подземных переходов?»

– Ну чего? Какой он тебе сюрприз сделал? – нависла над Мартой Надя.

– Какой еще сюрприз? – аж вздрогнула та.

– Не зна-а-аю, я же его мысли не читаю. Ух ты, – цапнула девушка кусочек матово-серой бумаги из рук подруги, – это что такое, его визитка? Ого! Да он у тебя небедный парень, я смотрю! Генеральный директор! Когда только успели познакомиться? Ой, он возвращается!

– Кто?!

– Принц твой. Кто еще?

– Нет у меня никакого... Гадство! – увидела господина Дионова Марта.

Принц, то есть, конечно, Саша, действительно быстрым шагом вновь приближался к ней. Надя предусмотрительно отскочила и умилительно заулыбалась.

– Вышла накладочка. Пошли! – бросил Александр.

Девушка подозрительно на него взглянула. Вот это манеры. Как у царя! Странно, что он еще им не представляется!

– Никуда я с тобой не пойду. Я же дала тебе номер телефона Ники, что тебе опять нужно?!

– Поднимайся! – не слишком любил повторять по сто раз повторять парень. Он, не особенно долго раздумывая, схватил Марту за локоть и потянул вверх. А еще Саша не забыл взять ее мобильный телефон с сиреневым корпусом.

– Эй, ты чего?

– Пошли за мной, говорю.

– У меня сейчас пара начнется! Отпусти!

– Ничего страшного, сестренка. Это не займет много времени. Мне вообще нужно будет в другой город улетать сегодня, – остался безучастным к просьбам Марты Саша.

– Куда вы нашу Марту ведете? – кокетливо спросила Надя им в спину.

– Секрет, – отвечал Александр. – Не волнуйтесь, верну ее в целости и сохранности.

Он, и не думая отпускать руку девушки, поволок ее к двери. Сокурсники Карловой одобрительно загалдели. Здесь учились в основном очень творческие личности, и многие необычные вещи, пусть связанные с чьей-то личной жизнью, не могли оставить их равнодушными. Им казалось, что сейчас поклонник Марты хочет сказать ей что-то важное и, наверное, романтическое. А она, видимо, смущается и чуточку сопротивляется этому.

Они оказались в коридоре, вновь под красочным витражом.

– У Ники отключен сотовый, – наконец пояснил свои действия парень. – Позвони ее родителям и узнай адрес ее работы.

– Как я им это объясню?

– Как-нибудь. Скажешь, что хочешь встретиться с ней, а дозвониться не можешь.

Марта тяжело посмотрела на парня, но все же набрала сначала маму кузины, а затем и ее отца. Результат был одинаковый – тетя и дядя не отвечали.

– Непруха, – впрочем, не сильно расстроился Саша. – Так, сестренка, покажи мне, где она работает. Раз ты была там, то должна помнить. Я как раз на тачке.

– Что? – не поняла его юмора Марта. – Ты чего, совсем с ума сошел?

– Я привезу тебя обратно. Не бойся. – Он уже закусил удила.

– Да я не могу прогулять!

– Я знаю, можешь. Пошли, – схватил ее за руку вновь Александр. – Я буду тебе о-о-очень должен, девочка. И, если что, улажу все твои проблемы.

Он неожиданно коснулся пальцем кончика носа Марты, отчего она еще больше растерялась, а потому почти не сопротивлялась, когда парень вновь потащил ее следом за собой.

В это же время прозвенел негромкий звонок, больше похожий на изящную трель колокольчиков. Едва он прозвучал, как из-за угла бодрой рыбкой вынырнул профессор, ведущий курс по истории зарубежной музыки. Он, на ходу насвистывая песенку герцога из знаменитой оперы Верди «Риголетто», в отличном настроении шагал на пару, предвкушая, как расскажет о своеобразии инструментального стиля Шуберта, а также о проблеме «классицизм – романтизм» в его творчестве. Профессор безумно любил свой предмет, а также своих студентов (злые языки приписывали ему особенную, чрезмерную симпатию к молоденьким и симпатичным студенткам-блондинкам), а потому каждые десять минут, проведенные в аудитории с учениками, давали ему дополнительные жизненные силы.

Первым, что узрел вынырнувший из-за угла профессор, было то, как одна из его любимых студенток-второкурсниц нагло сбегает с лекции за руку с каким-то молодым сорвиголовой.

– Карлова! Вернитесь! – прокричал он вслед студентке. Профессор терпеть не мог, когда его великолепные лекции прогуливали. Да, он разрешал списывать, влегкую раздавал пятерки и четверки, но прогулы не прощал. – Карлова! Вы куда это?

Девушка обернулась и, увидев преподавателя, только глаза отвела.

– А как же Шуберт, Карлова?

– Я сейчас вернусь, Викентий Порфирьевич! – только и успела сказать она. – У меня просто тут... Важное очень дело!

– Но что может быть важнее музыки?! – возопил тот, хотел было броситься в погоню, но покачал головой и направился в аудиторию, из которой выглядывали студентки. – Доброго дня, милые феи, – флиртом поприветствовал их преподаватель. – Готовы к погружению в прекрасный мир Шуберта?

– Готовы, – нестройным хором отозвались те.

– Всегда готовы, сэр! – прокричал весело один из парней-музыкантов.

– Отлично! – просиял Викентий Порфирьевич, которому польстило обращение «сэр». – Погрузимся все вместе! А куда, кстати, Карлова побежала?

– Не знаем, – пожали плечами те и все тем же нестройным хором сообщили. – К ней вроде бы ее какой-то друг пришел и забрал.

– Сюрприз хотел сделать, – вставила романтично настроенная Надя, все еще ошибочно полагая, что их Марта обзавелась парнем.

– Вот как? Ну что ж, проходите к своим местам. Начинаем лекцию!

«Вот уж эта девчонка! – При всей своей легкости характера и добродушии Викентий Порфирьевич был человеком легкоранимым и чрезвычайно обидчивым. Побег Марты расстроил его до глубины души. – На экзамене я ей покажу, что такое линять с моих лекций. Все про гений Шуберта заставлю рассказать».

А Марта, не подозревая о детской обиде преподавателя истории зарубежной музыки, уже выходила из здания консерватории, раздраженная, слегка испуганная (а кто бы не испугался, когда взрослый, почти незнакомый парень потащил тебя за собой в непонятных целях?), но отчего-то еще и заинтригованная происходящим.

– Ты ведь помнишь дорогу? Визуально? – спросил Саша, ведя ее к своей серебряной машине. Марта пожала плечами, поняв, что спорить с бывшим сестры – дело заведомо гиблое. Она гадала про себя: неужели Александр до сих пор что-то чувствует к Нике? Видимо, да, раз ведет себя так настойчиво.

– Ну да, вроде бы помню, – отозвалась девушка. – Это недалеко отсюда. Кажется...

– Отлично, проводница.

Девушка хмуро взглянула на него снизу вверх, но промолчала. Они без слов сели в автомобиль. Марта по привычке полезла на заднее сиденье, но Александр жестом показал ей, чтобы она пересела на переднее, рядом с ним.

Проехали буквально пару метров, «БМВ» остановился и Саша выключил зажигание.

– Думаю, правила игры требуют, чтобы я купил Нике цветы, – сообщил он Марте. – Помоги выбрать.

– Да не надо ей ничего!

– Выходи.

Девушке пришлось вылезать и вместе с Александром топать к цветочному павильону, где ими был приобретен букет темно-красных, почти бордовых роз в количестве двадцати одной штуки. Саша в цветах действительно не разбирался, и единственным его критерием был лишь один: цветы не должны выглядеть дешевыми.

– Держи, – вручил Саша прозрачную упаковку с розами Марте. – Мужикам по улицам с цветами ходить некайфово.

«Твоему мозгу некайфово функционировать, я смотрю», – рассерженно подумала Марта, одновременно вдыхая тонкий аромат роз.

Они вновь продефилировали к машине, и за короткую дорогу девушка с огромным букетом в руках не раз и не два почувствовала на себя взгляды проходящих мимо женщин и девушек: слегка завистливые, удивленные, мечтательные. Затесавшийся среди переходящей дорогу толпы белокурый паренек в обтягивающих ярко-голубых джинсах одарил Марту взглядом таким злобненьким, что она, не удержавшись, фыркнула, зато на Сашу он бросил взгляд мечтательный и мягкий, достойный взора влюбленной девицы. Внимательный Александр уловил взгляд, и на его лице появилось такое жесткое выражение лица, что Марте показалось, будто Саша был бы очень не против пожать, как говорится, блондинчику шею в знак своих особенных симпатий.

А вот взгляд Викентия Порфирьевича, который из окна во время недавно начавшейся лекции случайно углядел свою сбежавшую студентку в окно, был весьма обиженным.

– Вы посмотрите, господа! Мы тут о Шуберте ведем беседу, а Карлова с цветами прогуливается, – тут же пожаловался он, и все ее сокурсники, сидевшие около окон, моментально повернули головы, дабы воочию убедиться, что препод не наговаривает. Надя, тоже слушавшая лекцию около приоткрытого окна, Марту узнала и тут же стала размышлять – откуда у ее вечно занятой репетициями, повторениями и разучиваниями подружки появился такой шикарный бойфренд? И розы такие здоровские ей подарил... Просто блеск!

– Нике понравится? – спросил Саша, садясь за руль. Он был доволен – ведь скоро наконец увидит глупышку Нику. Врожденное упрямство в очередной раз ему помогло.

– Наверное, – устало отвечала Марта. – Но ей не понравится, что ты ее нашел.

– Чего вдруг? – завел во второй раз двигатель парень.

– Я же сказала по телефону, что ты тогда причинил ей много боли и...

– Сестренка, я все помню, что ты сказала по телефону, – покровительственно перебил ее Саша. – Не начинай заново. И хватит бояться, что я что-то сделаю твоей Нике. Куда ехать?

Марта стала путано объяснять дорогу, чувствуя, что кузина ее убьет.

– Понял, – после некоторых расспросов и уточнений сказал черноволосый. – Кстати, дай мобильник?

Девушка, не зная, чего можно ожидать от него, протянула телефон. Саша, продолжая рулить, перепроверил номер телефона Ники, попробовал еще раз дозвониться до своей бывшей любимой, вновь не смог и положил мобильник Марты в бардачок.

– Чтобы ты случайно не отправила ей сообщение о том, что мы едем, – весело объяснил он свои действия опешившей от такого наглого беспардонства девушке.

– Но...

– Тихо-тихо. Так, сейчас доезжаем до поворота на Пушкина?

– Вроде бы да. Но Ника...

– Все будет хорошо.

Саша включил радио, тем самым давая понять, что не собирается дальше слушать ее возражения. В колонках зазвучала известная хмурая песня из репертуара «Радио Шансон» о нелегкой доле отбывающего наказание в специальном исправительном учреждении, находящемся где-то в далекой Сибири.

Александр поморщился и тут же переключил радио на следующую станцию, и теперь в салоне заиграло активное хлесткое техно. Марта подобную музыку не любила. Она покосилась на брюнета и едва слышно вздохнула. И как из того прикольного парня, которого она помнила со дня рождения Ники, он превратился в такого вот делового, напористого и взрослого молодого бизнесмена?

Теперь молодой человек не казался ей таким уж утонченно-серьезным, как она подумала при их вчерашней встрече. По-прежнему привлекательным – да, но вот налет аристократичности почти исчез, уступая место ареолу лидерства, который был присущ военным-дворянам высоких чинов. Губы Александра с изогнутыми вниз уголками были плотно сжаты, словно не привыкли, чтобы с ним пререкались, а темно-зеленые умные глаза оказались холодными и изучающими. На земле Саша стоял твердо, и плечи его уверенно были расправлены назад. Его нельзя было назвать красивым в прямом смысле этого слова, но Марта отчетливо для себя поняла, что, несмотря на явные заскоки, чисто внешне Саша ей даже нравится. Даже больше, чем тот же Феликс, живущий в далеком туманном Лондоне.

– Куда дальше? – остановился на перекрестке Саша.

– М-м-м, налево, надо будет проехать мимо администрации. А потом мы направо поворачивали, мимо городской библиотеки проезжали. Кажется...

– Кажется или точно?

– Точно...

На самом деле Марте показалось, и Саше еще с полчаса пришлось плутать по центру города, сворачивая не в те переулки и проезжая нужные повороты, пока девушка случайно не узнала здание, в котором работала кузина. Правда, следует отдать должное молодому человеку, он хоть и злился, но делал это молча, хотя обычно мало и редко сдерживал свою агрессию или другие отрицательные эмоции. Пугать мелкую девчонку было не в его интересах. Он просто косился на нее, не понимая, как можно было не запомнить дороги и перепутать право и лево.

Офис Ники располагался на первом этаже жилого и старого, но крепкого и недавно отреставрированного дома, и вход в него затесался между ступенями, ведущими в банк, и дверью в известное пиар-агентство, а пластиковые окна офиса выходили на ухоженный, освещенный солнцем осенний грустный парк с прудом, который все еще старался выглядеть по-летнему беспечным. У него это пока что неплохо получалось – видимо, солнечные ванны помогали ему в этом нелегком деле, как дорогие эксклюзивные крема некогда красивой богатой женщине.

– Вон там Ника работает, – указала на нужное крылечко Марта.

– Туристическое агентство? Интересно, – прищурился Саша. На его тонких губах появилась загадочная улыбочка – он вдруг увидел ту, ради которой и затеял цирк.

А вот и она.

В это время Ника спускалась по ступенькам вниз, вполне себе радостная и не подозревающая, что бывший вместе с сестрой ждут ее в серебристой машине. У нее начинался обеденный перерыв, и девушка намеревалась сходить в кафе напротив. Ее мобильник разрядился, а потому Саша и не мог дозвониться до Ники.

Он, не забыв взять букет, подошел к погруженной в свои мысли Нике сбоку и дотронулся до ее плеча.

– Здравствуй, – спокойно сказал он девушке на ухо.

Ника от неожиданного прикосновения едва не стала заикаться.

– Твою ма... – выдохнула она, резко развернувшись. – Блин! Это ты?! И ты? – Она узрела младшую сестру. Та за спиной у Саши покрутила пальцем у виска и состроила выразительную рожицу. – Вы чего тут делаете? – рассердилась Ника.

– Я приехал поговорить с тобой, – сообщил Саша, с интересом разглядывая ее лицо.

– О чем опять? А ты?! Ты же на лекции должна быть!

– Он меня увез, – пожаловалась Марта. – Я не хотела, а он меня потащил. Сказал, чтобы я показала, где ты работаешь.

– Ты дурак? – еще больше разбушевалась Ника и ткнула кулаком Сашу в грудь. – Ты чего к моей сестре пристаешь?

– Я просто хотел увидеть тебя.
– Увидел? Доволен?
– Не совсем. И не нужно было меня обманывать с номером телефона.
– Да ты сам виноват! – хором возмутились девушки. Но Александра этим нельзя было напугать. Напротив, он стал еще более самоуверенным, как будто только его слова и действия были правильными.

– Так, твою сестру мне нужно отвезти в ее университет.
– В консерваторию, – поправила его Марта.
– Не важно. А ты, как я полагаю, хотела пообедать? – продолжал Александр, обращаясь к Нике.

– Ты мне уже испортил аппетит.
– Поэтому я предлагаю следующий план действий, – гнул свою линию молодой человек, – я везу сестренку в университет...

– Консерваторию, – вновь встряла Марта.
– ... а тебя в одно хорошее местечко. Ты пообедаешь, и мы поговорим. А, да, это тебе. – Саша наконец вручил букет роз Нике. – Я бы сказал, что они похожи на тебя. Но, думаю, цветы и люди не сопоставимы.

– Спасибо. Не нужно было.

– Если я купил, то нужно.

«Ни фига он изменился», – опять с тоской подумала Ника. Она все больше нервничала. Честно сказать, и не думала, что он приедет к ней, да еще и выклянчив у Марты месторасположение работы!

Девушкам ничего не оставалось, как сесть в его дорогое авто, и оно плавно тронулось вперед. В салоне царило молчание, иногда прерываемое спокойным голосом Саши и шепотом кузин Карловых.

Парень действовал по заранее подготовленному плану. Сначала он привез Марту обратно к стенам консерватории.

– Я вернул тебя, как и обещал, – сказал Александр, тормозя около величественного здания, в котором обучались будущие музыканты. Настроение его повысилось, а потому зеленые глаза стали веселее. – Пока, сестренка. Увидимся. Удачи в своем университете.

– В консерватории.

«И какая я тебе сестренка, овощ небритый?! – зло подумала Марта, выбираясь из комфортной машины. У обеих Карловых явно прослеживалась общая тенденция – обзывать последними словами своих недругов. Правда, Ника это по большей части делала вслух, а Марта – про себя.

Она попрощалась с Никой и поплелась назад. Наручные часы говорили, что лекция Викентия Порфирьевича еще не закончилась, а потому девушка, пользуясь тем, что сегодня был теплый денек, села на лавочку, расположенную в небольшом скверике перед консерваторией, и подставила лицо с закрытыми глазами солнцу. О том, что она забыла в машине небритого овоща свой мобильник, девушка вспомнила слишком поздно.

И что за странная путаница с телефонами преследовала их троих?

* * *

Ника и Саша оказались в том самом ресторане «Милсдарь», к которому он приезжал вчера, дабы встретиться с какими-то серьезными людьми. Молодой человек беспрепятственно провел девушку в заведение, славившееся своей русской кухней и лаконичным изысканным убранством, стилизованным умелыми дизайнерами под интерьер какого-нибудь аристократического салона конца девятнадцатого века. Дубовый паркет, антиквариат,

зеркала, кожаные кресла, глубокие коричневые и легкие бежевые тона – все это приятно радовало глаз. А слух услаждал самый настоящий граммофон, торжественно установленный в углу Белого зала. Почти сразу, как только Ника и Саша оказались в зале, заиграла пластинка с оперой Сен-Санса «Прозерпина».

Ника вертела головой, восхищаясь убранством «Милсдаря» – в таких местах ей еще не доводилось бывать, и потому теперь было очень любопытно, а ее темноволосый спутник уверенно шел вперед, вслед за официантом, который провожал пару к столику – круглому, накрытому белоснежной тончайшей скатертью и уставленному хрустальными и фарфоровыми приборами.

Александр и Ника неспешно сели за стол, и невооруженным глазом было видно, что светловолосой девушке явно здесь нравится. Она прямо-таки чувствовала, как вокруг них витает атмосфера изящества имперского прошлого, непонятно как попавшая в двадцать первый век ускоренного технического прогресса. Нике даже вдруг захотелось обратиться к своим не слишком новым краскам и слегка потрепанным кистям, чтобы на бумаге изобразить какую-нибудь милую картину прошлого. Например, юную девушку-аристократку, которая теплым осенним вечером, когда совсем слабый северный ветер заставляет начинающие опадать листья петь шепотом свою незатейливую садовую зелено-желтую песнь, читает французский роман в небольшой уютной гостиной особняка ее отца-графа и грезит о красивой любви. Или мечтает о предстоящем бале, на который совершенно необходимо сшить новое платье. Или же с щемящей приятной тоской думает о поездке в загородную резиденцию, где по соседству живет нелюдимый, но обаятельный и волнующий сердце князь-затворник.

«И чтобы им был господин Укроп, ага», – невольно подумалось девушке.

Любезно улыбающийся официант в темно-зеленой униформе, чем-то похожей на форму офицера кавалерии, только без шпаги и знаков воинского отличия, протянул девушке и ее спутнику два меню в красном кожаном переплете с золотым тиснением и удалился, не забыв поклониться, чем рассмешил Нику.

– Надеюсь, ты не станешь говорить, что будешь то же, что и я, – сказал Саша, глядя не в меню, а на светловолосую девушку, сцепив пальцы под подбородком.

– Не буду, – сказала та, не поднимая глаз и листая страницы с изысканными и непонятными блюдами. – Ты ведь платишь?

– Естественно.

– Тогда чего мне стесняться? – весело отозвалась Ника. Комплексов на самом деле у нее было не слишком много. Раз Сашка ее пригласил, пусть оплачивает все капризы. – А если тебе не хватит денег, чтобы расплатиться, то ты сам останешься тут посуду мыть, а я на работу пойду.

Саша негромко рассмеялся.

– Не волнуйся, хватит.

– А чем ты таким занимаешься, что тебе на все хватает? – любопытствовала непосредственная Ника.

– Ничем особенным.

– Я бы тоже хотела таким ничем особенным заниматься и так хорошо жить, – объявила девушка, продолжая не без азарта листать меню.

– У меня свое дело в соседнем городе, и оно идет довольно хорошо, – не стал толком объяснять ей молодой человек.

– А здесь ты тогда что забыл?

– А здесь у нашей компании открылся филиал, поэтому я и приехал. Теперь буду мотаться из одного города в другой, – вновь как-то туманно отозвался Саша. – Выбрала что-нибудь?

– Да, выбрала.

– Тогда я зову официанта.

После того как тот неторопливо принял заказ, Ника отпила воды из высокого бокала, в чьих гранях играло солнце, и прямо спросила:

– Так, Саша. Я не поняла, чего ты от меня хочешь?

– Я хочу возобновить наши отношения.

Девушка едва не подавилась.

– В смысле?!

– Давай встречаться, – как о чем-то само собой разумеющемся, предложил Александр.

Напряжение за столом медленно, шаг за шагом, нарастало. Кукла, что пряталась за одним из зрачков Ники, высунула из-за него свое точенное фарфоровое личико и прищурилась. Она не понимала происходящего. Почему прошлое возвращается в настоящее, по какому праву тревожит то, что забыто?

– Зачем? – сцепила руки на коленях Карлова.

– Раньше нам было хорошо вместе.

– Вот именно – раньше! Да кто тебе сказал, что я хочу с тобой общаться сейчас? – не выдержала Ника и слегка повысила голос. – Мы вообще давным-давно уже незнакомые люди!

– Это верно. Как я вчера уже говорил, время очень многое меняет, – согласился Саша. – Я не тот, ты тоже не та. – Он окинул ее ставшие длинными волосы с удовлетворенной улыбкой. – Мы меняемся, это факт. Но мы можем попробовать себя в новых отношениях...

– Зачем? Зачем мне это нужно? – не поняла Ника. – М-м-м, кстати, как твоя девушка?

– Какая девушка?

– Ну, когда ты уехал, ты ведь нашел новую девушку? Или у тебя их уже целый вагон был?

– А, ты ее имеешь в виду? Никак. – Александр словно собрался с мыслями. – Мы расстались. И потом, да, действительно, у меня были другие девушки. Но у нас не было серьезных отношений. У тебя ведь тоже были парни?

– Были, – отвечала Ника. Ей опять вспомнился Кларский.

– Ну вот. И ты, и я не были в одиночестве. Так как тебе мое предложение?

– Я подумаю, – сказала Ника, стуча по столу длинными темно-малиновыми ногтями. Все это было слишком неожиданно.

С одной стороны, почему бы ей и правда не попробовать новые отношения? Не может же она всю жизни ждать того, кто, наверное, даже не помнит, как она выглядит? Нужно бороться с безответными чувствами, глушить их новыми отношениями. А то мама окажется права, в конце концов, не будет у нее внуков. Но с другой... Опять начинать отношения с Сашей, с тем, кто просто так взял и бросил ее, как-то страшно. Да и этого тока чувств больше нет. И чувства к Нику не исчезли так просто.

Она покачала головой, говоря «нет».

– Я тебя понимаю, – отозвался Александр. – Тогда я поступил глупо – твоя сестренка уже пыталась прочистить мне с этим мозги – и оставил тебя, уехал. Но сейчас я не тот мальчишка. Мне нужны стабильные отношения с хорошей девушкой. С такой, как ты. Если сказать правду, я все-таки скучал.

Ника, слыша эти слова, не знала, как себя вести. Замкнутый круг какой-то. И почему ей все время не везет с парнями? Саша, Никита, даже в средней школе она умудрилась безответно влюбиться в парня из соседнего подъезда, который был каким-то бандитом мелкого пошиба, как оказалось, распространяющим травку, но казавшийся в собственном дворе непомерно крутым парнем. И почему ее, Нику, все время тянет на плохих мальчиков? Нет,

это действительно карма. И ей придется, видимо, всю жизнь играть роль Ариадны, которую оставляют Тесеи. Пока ей Дионис, конечно, не встретится, который на ней женится.

– Я не мог тебя забыть, – не смущаясь своих чувств, вновь произнес Саша. – Случайно встретил и понял, что во второй раз не могу отпустить.

– Ты что несешь? Ты? Не мог забыть? Сам понимаешь, что бред, или тебе это разжевать надо?

– Успокойся. Ты согласна попробовать все заново?

– А как же романтика?

– Тебе нужна романтика? – Странно, но старый Саша, кажется, хоть и относился к ней очень скептически, но все же старался сделать ради Ники что-то милое. Нет, тогда, несколько лет назад, он не писал стихи и не пел под ее окнами любовные серенады, но все же давал понять, что девушка ему небезразлична, завоевывал ее внимание. Своеобразно, правда, но все-таки делал это. Например, каждое утро будил ее, ту еще соню, в университет звонками, даже если ему никуда не нужно было идти, и командным тоном сообщал девушке о том, что хватит ей нежиться в постельке – пора бы и посетить университет. – Хорошо, будет романтика, – пожал плечами Саша.

Ника недоверчиво глянула на него.

– В смысле?

– В смысле, я тебе устрою романтику и добьюсь тебя.

– Саша, да что с тобой случилось? – с подозрительностью в сердитом голубоглазом взоре поинтересовалась Ника, чувствуя, как сильно изменился молодой человек. Нет, его и раньше нельзя было назвать тактичным или мягким мальчиком, но сейчас эти качества в нем не то чтобы зашкаливали, они приобрели более острую, грубую форму и были приправлены темной уверенностью в своих силах. Александр за эти неполные пять лет сильно изменился и, кажется, не понимал, что Ника не рада этим изменениям – рядом с собой она привыкла видеть несколько другого парня. Зато она в течение пары дней точно поняла, что совершенно к Саше равнодушна и что если бы на его месте оказался Никита, ему потребовалась бы всего лишь пара секунд, чтобы Ника полностью и безоговорочно признала его победу на ринге ее чувств.

– Что со мной случилось? – рассмеялся сухо Александр. – Я просто понял цену времени и не хочу терять его и тратить на ерунду. Тебе тоже не советую. Жизнь-то у нас, милая, коротка.

Он перегнулся через столик, быстро и властно поцеловал Нику в уголок губ, так как точно знал, что поцелуй в губы ее разозлит.

– Охренел?! – взвилась на ноги та. Александр опять ее напугал. И раззадорил, конечно. – Ты что себе позволяешь?

– Романтику.

– Что? Ты в своем уме?! – топнула Ника. Поведение парня ее и разозлило, и порядком удивило.

– А чем это тебе не внезапный прорыв романтики? И, пожалуйста, не уходи, скоро принесут заказ, – попросил Саша. – Готовят тут на ура.

– Только потому, что я голодна, не уйду, – прошипела она.

Девушка вновь уселась в кожаное кресло с удобными подлокотниками и высокой спинкой, несколько раз проведя тыльной стороной ладони по своим губам. Ей не хотелось чувствовать вкус его губ на своих губах.

– Твоя романтика мне не понравилась. Стремная она, знаешь ли, – отрезала Ника.

– Значит, понравится другая. – Саша умел играть долго, и проигрыши его не смущали. – Прости, если не понравилось. Исправлюсь. Seriously, не уходи.

Ника, чуть подумав, кивнула, но во взгляде ее голубых глаз была злость – а глаза ее личной куклы, спрятавшейся за зрачками, горели негодованием. Но раз он платит, то почему бы и нет? И жаль, что она не выбрала самые дорогие блюда в этом местечке – в отместку. Пусть Сашенька расплачивается. Или, думает, у него появились деньги, и он может делать все, что ему захочется? Ника даже задала этот вопрос своему бывшему парню, на что он ничего вразумительного не ответил, а пожав плечами, сообщил девушке, что она слишком много нервничает.

Она действительно пообедала и разрешила отвезти себя обратно на место работы, правда, с Сашей общалась сухо, по большей части лишь отвечая на его вопросы. Ее настораживали его упорство и настойчивость по отношению к ней, но в глубине души было даже приятно, что она так заинтересовала свою первую любовь. Женская гордость расправляла плечи.

Забегая вперед, можно сказать, что мысли Ники «пусть добивается, раз хочет» сменились другими, более либерально настроенными: «А может быть, и правда попробовать вновь?», чтобы потом принять следующий слово-облик: «Что мне делать?!»

– Я тебе не доверяю.

– Попытаюсь завоевать твое доверие.

– Тогда расскажи, почему ты бросил меня? – спросила злобно Ника.

– Ты же знаешь, мне пришлось из-за учебы уехать в другой город. Так получилось, что там я встретил девушку, с которой мне было хорошо. Я не хотел тебя обманывать и сразу же сказал, что разлюбил. Просто хотел быть честным. Любовь не бизнес, Ника.

– По смс! Ты сообщил мне об этом по смс!

– Да, мне было стыдно тебе звонить, – жестко сказал Александр. – Я не смог. Не хотел слышать твоих криков и слез.

Девушка горько вздохнула, всего лишь на мгновение вспомнив обиду и жуткие эмоции, которые она испытывала, читая то злосчастное сообщение. Правда, ее личная кукла мгновенно запаковала эти чувства в праздничную коробочку и спрятала куда подальше.

– А ту девчонку ты тоже бросил? – любопытствовала Ника.

– Нет, мы просто решили расстаться. Может быть, заказать вино? – предложил Александр, но девушка проигнорировала этот вопрос.

– О-о-о, и почему? В каком плане вы друг друга не устраивали?

– Нам стало неинтересно друг с другом, – сообщил Саша. Официант и его помощник принесли заказанные блюда, и разговор стал протекать в более мирном русле.

На выходе из ресторана их обогнали несколько мужчин, один из которых, крепкий и нервный, с настороженными и колючими глубоко посаженными глазами окликнул Сашу по имени и обменялся с ним крепким рукопожатием. Александр остановился буквально на пару секунд и перекинулся с неприятным мужчиной парой ничего не значащих фраз.

– До встречи, братишка, – кивнул на прощание Саше его знакомый.

– Бывай, Макс.

Жесткий взгляд равнодушно окинул Нику, и она даже отвернулась – ей стало жутковато. К тому же этот мужчина показался девушке смутно знакомым.

– Это кто? – спросила она у Саши осторожно, когда они вышли из «Милсдаря». Макс и его сопровождающие сели в две большие черные машины, припаркованные почти у самого крыльца, и уехали.

– Деловой партнер, ему принадлежит это местечко, – было ей ответом. – Пошли, дорогая. Я довезу тебя до твоей работы точно в срок. Дорогу помню.

Ника проводила мужчину немигающим взглядом.

Нет, она определенно когда-то где-то его видела. Но только вот где? И когда? И почему это ее так беспокоит?

Девушка почти не разговаривала на обратном пути, обдумывая положение, в которое попала, и только изредка отвечала на вопросы Александра. Тот, кстати, сказал, что сегодня уезжает в другой город, где расположен главный офис его компании, но через неделю или чуть больше он вернется и пригласит Нику на свидание.

– А если я не захочу?

– Брось. Тебе ведь надо развеяться. – Чуть подумав, он добавил: – И мне тоже.

– А я все-таки не понимаю, откуда у тебя столько денег появилось, чтоб открыть свою фирму, – на прощание сказала ему мнительная Ника. – Отец дал?

Его папа был довольно известным в узких кругах физиком. Вполне возможно, что он изобрел нечто особенное, запатентовал и разжился кучей денег. Однако Саша опроверг эти мысли:

– Нет. Бизнес для него – почти грех. Успешный бизнес – тем более.

– Тогда отку... – вновь попыталась задать вопрос девушка, но Саша перебил ее и сказал, заставляя себя улыбнуться:

– Тебе пора. Уже как пять минут твой обед кончился. И я был рад тебя видеть. Честно, Ника. Не сбрасывай меня со счетов.

– Ага. Кстати, я тебе не дорогая.

Александр склонил голову набок, спрашивая взглядом, что имеет в виду светловолосая девушка.

– Ты меня дорогой назвал, когда мы из ресторана выходили, – пояснила с некоторым вызовом Ника. – Я тебе не дорогая, Саш, и не дешевая. Пока, короче.

– До встречи, – с намеком отозвался тот. – Цветы не забудь.

Девушка фыркнула, взяла розы и поспешила вылезти из удобного «БМВ» наружу. Она ни разу не оглянулась на неспешно уезжающий автомобиль, хотя Александр не сводил глаз с жидкокристаллического монитора, куда выводилось изображение камер заднего вида. Он задумчиво глядел на удаляющуюся фигуру девушки, и только когда она скрылась из виду, увеличил скорость.

А Ника, зайдя в офис, молча прошла мимо коллег, бухнулась на свое место и, закрыв ладонями лицо, пару минут сидела в неподвижности. После встречи со своим прошлым ей было не по себе. И в голове теперь бились мысли – точь-в-точь, как мошки в банке: о том, что желаемое так не вовремя приходит в нашу жизнь. Пару лет назад она бы очень хотела, чтобы Саша вернулся к ней, а теперь это стало ненужным, даже лишним. Вот если бы на месте Александра был Ник, то тогда, конечно, она бы ни секунды не думала о том, что ей делать.

Ник, Ник, Ник... Где же ты?

Саша обещал много романтики – и он исполнил свое обещание. Он активно и планомерно принялся добиваться своей бывшей девушки и ее симпатий, и Нике перед ним действительно было трудно устоять. И не только ей. Ее кузина Марта тоже попала в водоворот событий, связанный с этим человеком, и выбраться из него самостоятельно уже была не в силах. А поначалу события эти казались такими забавными и несерьезными.

Розам, что лежали на ее столе, все произошедшее казалось глупостью. И нарядной фарфоровой кукле, что играла с их свежими лепестками, которые все еще хранили воспоминания о бриллиантовой росе, – тоже.

* * *

Через пару часов после того, как Саша отвез Нику на работу, он, сделав еще кое-какие важные дела, пересел на пассажирское переднее сиденье в «Джип Рэнглер» своего друга и коллеги и стремительно направился в сторону аэропорта – регистрация на посадку должна была начаться уже совсем скоро. Перед тем как покинуть свой серебряный «БМВ», моло-

дой человек вдруг вспомнил, что в бардачке до сих пор лежит мобильник мелкой сестренки Ники. Чуть подумав, он взял его с собой.

– Притормози около консерватории, – спустя полчаса велел Александр своему накачанному другу со шрамом на лице, вертя в правой руке сиреневый телефон, кажущийся ему игрушечным. Они как раз ехали по центру города в небольшом заторе, и место обучения Марты Карловой находилось неподалеку.

– Зачем? – заржал тот, крепко держа руль в своих больших пальцах. – Хочешь музыке поучиться?

– Конечно.

– Или девочку-пианисточку снять? Эх, жаль, герлы из школ и универов не ходят в форме, как японские школьницы, – посетовал на судьбы накачанный обладатель шрама на лице, которого, кстати сказать, звали Михаилом, но покорно развернул свой грозный автомобиль в сторону консерватории. – Были бы лакомыми кусочками.

– Для тебя – чересчур лакомыми, – ухмыльнулся Саша и посоветовал другу поменьше смотреть определенную разновидность видео для взрослых, на что получил вполне веское замечание, что кому-то иногда следует общаться с определенной категорией девушек в дорогих ресторанах и VIP-барах.

– Так что ты там забыл? – еще раз поинтересовался водитель.

– Вещь одну отдать надо, Миха, – отозвался Саша, закуривая. Он хорошо запомнил, до скольких будет сегодня учиться смешная девочка Марта. Мобильник ей все же стоит отдать. Современные девочки без него как без рук. Начнет еще где-нибудь рыдать и стенать. А Ника, узнав, что сестренку обидели, может рассердиться, и тогда отношения с ней уладить будет труднее.

Совершенно не вовремя наслаждающемуся дымом Александру вспомнился и отец. Нет, на современную девочку он похож не был и даже и бровью бы не повел, узнав, что лишился мобильной игрушки. Просто долгое время он почему-то не признавал сотовую связь и никак не соглашался купить телефон, как и до этого пейджер. Все вокруг ходили с собственными мобилами: и его многочисленные студенты-физики, и аспиранты, и коллеги, и родственники; постоянно звонили друг другу, во многом упрощая жизнь, а он уперто не желал приобретать персональный телефон. Вячеслав Сергеевич Дионов, доктор физико-математических наук, был человек чересчур консервативный, и принятие чего-либо нового было для него невероятно сложным делом. Если, конечно, это дело не касалось физики – тут он был первооткрывателем, и лаборатория молекулярной спектроскопии, которой он успешно заведовал уже несколько лет, слыла поистине инновационной.

Собственным мобильником Вячеслав Сергеевич обзавелся только тогда, когда пару лет назад на собственном юбилее директор закрытого научно-исследовательского института, где он работал, лично не преподнес ему сотовый телефон. Директора Вячеслав Сергеевич уважал, а потому подарок принял и даже начал пользоваться.

Какой у отца сейчас телефон – все тот же или какой-то другой, новый, Александр не знал. С отцом они не виделись уже почти пять лет. С тех самых пор, как Саша покинул родной город. Мать, брат и даже тетка с двоюродной сестрой приезжали к нему, а вот отец вычеркнул его из собственной памяти – так же быстро, как сейчас затушил сигарету Саша.

– Почти приехали, амиго, – бросил ему Михаил, сворачивая к горделиво возвышающейся консерватории, чью крышу и стекла огромных нарядных окон освещало вечернее солнце. Строгий элегантный облик здания наводил на Сашу ненужные размышления по поводу того, что сам-то он свой универ так и не закончил – корпус физмата, в котором парень когда-то учился, как раз находился неподалеку от этого славного местечка. Помнится, когда их поток оставался на пятые и шестые пары, начинающее заходить за горизонт осеннее солнце всегда светило им всем в глаза и мешало сосредоточиться на объяснении препода-

вателя. Наверное, и в консерватории, этой пафосной обители малолетних любителей искусства, сейчас кто-то сидит на последнем издыхании в душной аудитории и прикрывает ладонью глаза, чтобы закрыться от солнца.

Подумав об этом мимоходом, Саша позволил себе усмехнуться. В родном городе прошлое так и тянет щупальца, хочет удушить.

В голе появился комок.

Водитель резко затормозил у обочины, разглядывая идущих мимо многочисленных студенток.

– Девочки-то тут ничего. – Миха с ухмылочкой, делающей его лицо с глубоким шрамом еще более зловещим, уставился на длинные загорелые ножки девчонки, шагающей по тротуару вдоль дороги всего лишь в паре метров от машины. Обладательница красивых конечностей Александра заинтересовала мало, зато ее спутница вызвала куда больший интерес – потому что ею оказалась Марта.

«Как вовремя, и искать не надо», – отстраненно подумал Саша, глядя на сестру Ники, идущую прямо навстречу к их тачке.

– И ее подруга – милашка. Такие волосы круто наматывать на кулак, – продолжал нескромно разглядывать студенток водитель, добавив, в каких именно ситуациях ему нравится это делать. – Может, познакомимся? На твою морду телки клюют здорово. Съездим, отдохнем, выпьем, развлечемся. А, черт, ты же улетаешь. Засада.

– Закрой пасть. И не пускай слюни, – велел ему Александр.

– Чего так? Сам глаз положил? – заржал накаченный парень.

– Нет, – без доли улыбки ответил Саша. – Это моя сестренка.

– У тебя же типа только братишка был? – не понял его друг, почесав коротко стриженный ежик, продолжая разглядывать юных представительниц женского пола. Студентки в консерватории были разные – вот только что мимо уверенно прошагала красноволосая девица, которую он принял за парня-неформальчика, а следом пропорхала фея с осиной талией и большой грудью, и это разнообразие Михе нравилось.

– Посигналь им, – не отвечая на вопрос, распорядился брюнет. – Отдам и гони в аэропорт.

– Командир хренов. Сестренками обзавелся. Ты точно не ширяешься? Или там с ханкой не дружишь, нет? – поморщился Миха, но выполнил просьбу-требование Саши, а после громко засмеялся, видя испуг девушек, не ожидающих громкого звука клаксона.

* * *

У Марты только что закончилась последняя пара, и она со своей скрипкой наперевес, упакованной в прочный черный футляр, выходила из здания консерватории вместе с одногруппницами. Они, конечно же, приставали к Карловой с расспросами о таинственном брюнете, но Марта ограничилась словами о том, что Саша – ее знакомый и не более. О том, что это бывший парень кузины, она сказала только Наде.

Девушки остановились около лавочек, нагретых осенним мягким и все еще старающимся быть теплым солнцем, немного потрепали и разошлись в разные стороны. Марта и ее подруга Надежда, оживленно болтая, пересекли дворик и побрели вдоль оживленной дороги, чтобы по светофору перейти ее и оказаться около остановки. Надя все никак не могла успокоиться и пыталась приятельницу по поводу Саши и того, куда они вдвоем ездили. Она не хотела верить, что этот черноволосый стройный высокий тип – всего лишь друг ее кузины. Наде хотелось романтики.

– Он ведь даже тебе цветы подарил!

– Не мне, а Нике! – перебила ее Марта, но Надя, не слушая ее, продолжала дальше:

– Красивые! Нет, шикарные! Знаешь, как наш Порфирыч обалдел, когда тебя увидел в окне? Наш старик на тебя обиделся даже. Хотя ему, кажется, даже завидно стало.

– Блин! – взвыла возмущенная Карлова. – Теперь еще и с ним проблемы будут из-за этого неудачника! Таких. ненормальных впервые в жизни вижу и...

Ее возмущенный голос утонул в мощных и резких автомобильных гудках черного «Джипа-Вранглер», лихо затормозившего неподалеку. Неожиданные звуки едва ли не напугали обеих девушек до колик в том месте, о котором обычно не говорят в приличном обществе. Надя от неожиданности даже вскрикнула, а плечи Марты явственно вздрогнули.

Затемненное окно машины отползло вниз, и на светловолосую девушку уставились уже знакомые ей зеленые глаза.

– Еще раз привет, – произнес их обладатель. Девушка слегка опешила, не понимая, зачем Саша вновь решил ее навестить. А Надя в предчувствии чего-то необычного замерла в предвкушении. Она очень любила неординарные события, жаль только, что с ней они происходили редко.

– Ага. Привет. Что... что ты тут делаешь? – проговорила скрипачка не без труда и почему-то опять застеснялась его, а потом вдруг подумала: может что-то случилось с Никой?!

– К тебе приехал.

– Зачем?

– Влюбился и хочу забрать к себе, – серьезно произнес Саша, как будто бы и не шутил вовсе. На лице Нади расплылась улыбочка.

– Чего?

– Того. Держи, забыла в моей тачке, – протянул Марте мобильник Александр. Ее светлые глаза расширились от удивления. Она, такая растяпа, так и нехватила своего мобильного!

– А-а-а... Спасибо! – потянулась за телефоном девушка, касаясь своими пальцами холодных, несмотря на теплую погоду, пальцев Саши и поспешно одергивая руку.

– Не за что. Передавай привет сестре. И сама не хворай.

Надежда в это время в изумлении всматривалась в открытое окно брутального «Джипа», дабы разглядеть черноволосого, но внезапно натолкнулась на взгляд водителя, парня внушительного и грозного. Он развязно подмигнул девушке, кивнув на заднее сиденье, как будто приглашая, и она поспешно отступила на пару шагов назад. Этот тип со шрамом показался ей похожим на какого-то отпетого уголовника. Зато черноволосый Наде жутко понравился.

– Все, бывай, мы поехали. Не оставляй мобилку где попало, – дал на прощание наказ Марте Саша. Окно закрылось прежде, чем она сказала: «Пока» или «До свидания», и мощный черный автомобиль тронулся в путь.

Карлова только крепче сжала телефон, зато Надя от восторга чуть не завизжала. Она схватила подругу под руку и потащила к пешеходному переходу, около которого столпилось уже множество жаждущих уехать домой студентов и студенток.

– Какой он классный, Марта!

– Кто?

– Этот твой Саша!

– Он не мой. Он Никин, – проговорила сердито Марта, не понимая, как она могла проворонить пропажу любимого телефона. Как?!

– Но второй раз за день приезжает-то он к тебе, а не к твоей Нике, – заметила Надя лукаво и добавила: – А вот друг у твоего Саши жуткий.

– Какой еще друг?

– Который за рулем сидел, – пояснила девушка.

– Я не обратила на него внимания.

– И на что ты вообще внимание обращаешь? – вздохнула Надежда. – Как ты вообще живешь, несчастная?

– Хорошо живу, счастливо, – огрызнулась Марта, проверяя мобильник на предмет звонков и СМС-сообщений. Она первой достигла светофора, который злорадно мигал пешеходам красным светом, не пропуская их вперед.

– О, Карлова! – позвал ее радостно голос одной из сокурсниц, которая тоже, как оказалось, ждала зеленый свет, дабы перейти дорогу. – А к тебе что, опять твой парень приезжал?

Надя захихикала – новость о том, что Карлова вроде бы как нашла себе богатого парня, облетела едва ли не весь их поток, а еще одна однокурсница, рыженькая и очень симпатичная, та, которая слышала слова Саши о «теплоте и ласке», произнесенные им у витража шулки ради, добавила оживленно:

– У него что, две машины? Утром, когда тебе цветы дарил, он на черном «БМВ» был, вечером на джипарике. Шикарного мэна себе завела, Марта!

– Точно-точно, шикарного!

Светловолосая скрипачка уже хотела гневно ответить, что никакой Саша ей не парень, а просто знакомый, и что не надо придумывать лишнее, как вдруг она почувствовала на себе чей-то взгляд и повернула голову вправо. В толпе, совсем неподалеку от нее, стояла высокая и худая девушка с тонкими, даже чересчур тонкими чертами лица и короткими, как у мальчишки, волосами, открывающими аккуратные уши, у которых проколоты были не только мочки, но и верхние части ушей и козелки. Кажется, такие пирсинги называют «хеликс» и «трагус». Об этом как-то рассказывала Марте экспериментаторша Ника, которая года два или полтора назад отчего-то вдруг решила проколоть себе хрящик на одном ухе, и до сих пор его украшало золотое изящное колечко. Правда, на Нике этот прокол смотрелся элегантно, женственно, а на худой высокой девушке, которую встретила Марта, – дерзко. Молчаливая дерзость и не выставляемая напоказ смелость буквально пронизывали ее и придавали какую-то свою изюминку. А еще особенную яркость девушке придавали ее волосы – они с помощью геля были уложены в задорный творческий «ежик». Кстати, цвет их тоже был весьма примечательным – пряди некогда темно-русых волос были проколорированы в несколько цветов: черный, бордовый, фиолетовый, даже красный, и смотрелась прическа девушки экстравагантно, но по-своему красиво.

Со спины ее немудрено было принять за сублильного паренька – одета девушка была в темную футболку, обычные чуть потертые на коленках джинсы и высокие черные кеды «Конверс» с толстой белой подошвой. Через плечо висела сумка с парой значков, среди которых выделялся большой белоснежный круглый значок с изображением клавиш фортепиано.

– Привет, – негромко и хмуро поздоровалась она с Мартой, неспешно оглядев ее с ног до головы. Та с очень хмурым выражением лица нехотя кивнула в ответ.

Коротковолосую звали Юлей, училась она в консерватории на одном курсе с Мартой, но по классу фортепиано, и негласно считалась одной из талантливейших студенток. Юля постоянно бывала на всевозможных музыкальных конкурсах, занимала там первые места, и ее фото частенько висело на Доске почета на первом этаже. Многие преподаватели пророчили девушке славное будущее, хотя зачастую не понимали, почему девушка решила не поступать в Московскую консерваторию имени П.И. Чайковского, а осталась в родном городе.

Марта же Юлю не любила – нет, скорее даже ненавидела, и на это у нее были свои причины. Веские, как она считала. И даже одно-единственное «привет» умудрилось взбесить ее, хотя внешне, конечно, Марта оставалась спокойной, как застрявший в болоте танк.

Уголки тонких губ Юли тронула улыбка, когда она услышала еще одно восклицание сокурсниц Марты о том, какой у нее прикольный парень, как будто бы она очень сомневалась в том, что Карлова может кого-то себе найти.

– У тебя кто-то появился? – спросила обладательница ярких волос.

– Ну...

«Да ладно?» – говорили ее орехово-зеленые глаза. Вмиг разозленная Карлова вместо того, чтобы заявить, что никакой Саша ей не парень, открыла рот и выдавила:

– Да, появился. Эй! – прикрикнула она на разговорчивых однокурсниц. – Эй, хватит обсуждать моего... парня.

Юля еще раз оглядела длинноволосую девушку, чьими прядями беспечно играл ветерок.

– Она стесняется, девочки, – рассмеялась Надя. – Что вы к ней привязались?

– Нашла себе кого-то? – спросила между тем Марту Юля. У Марты голос был звонкий, как весенняя капель, а у Юли, наоборот, приглушенный и тихий, как шелест осенних листьев.

– Нашла, – как можно более равнодушно отозвалась девушка, в глубине душе злорадствуя, что у нее, Юли Крестовой, никого нет, а она, Марта Карлова, обзавелась классным поклонником. Ну, как будто бы обзавелась. Понарошку.

– Поздравляю. Надеюсь, он... достойный парень.

«На что она намекает?» – подумала про себя Марта, вспыхивая.

– Спасибо. Безумно приятно. От твоих поздравлений я просто таю, – негромко отозвалась Марта, в голосе которой все же прорезалось зло, и отвернулась от пианистки, в чьих глазах застыло недовольство, а после прокричала на ухо Наде:

– Смотри, а вот и наш малыш! – Светловолосая ткнула пальцем в подъезжающий к остановке бело-зеленый, на удивление полупустой автобус. Однотруппницы жили на соседних улицах, а потому ездили по одному и тому же маршруту.

В это время наконец зажегся долгожданный зеленый свет, и Марта, потянув за собой Надежду и на бегу прощаясь с однокурсницами, одной из первых помчалась к остановке.

* * *

Домой Марта приехала достаточно быстро и, чтобы не вспоминать Александра, да и вообще того, что с ней произошло, долго, почти до ночи, играла на любимой скрипке, прижав ее подбородком к плечу, повторяя старое и разучивая новое. Ее тонкие пальцы левой руки ловко и быстро бегали по четырем струнам грифа, а пальцы правой – удерживали смычок, который, казалось, вырывается из них, чтобы жить своей какой-то волшебной жизнью. Девушка, глядя вперед, в не доступные никому сердца своих собственных миров, стояла посередине комнаты, излучая каждым своим движением любовь к создаваемой ею самой музыке, а руки ее, казалось, танцевали в воздухе.

Звуки непрерывного легкого, как йогуртное предгрозовое облако в детском раю, легато разлетались по комнате, взмахивая невидимыми нотными крыльями, и словно птицы кружились вокруг юной скрипачки, изредка задевая ее светлую кожу. И как только они касались кожи девушки, по ней начинали бежать мурашки, и Марте казалось, что тело ее – самая настоящая река, по которой бегут волны музыки, а душа – на четверть заполненный нотный стан, и каждый знак на ней – это отображение ее жизни и ситуаций, возникающих на ее пути. Наверное, и появление Саши было зафиксировано на стане, как, скорее всего, и дальнейшие случайные встречи с ним, которые происходили еще при более интересных обстоятельствах.

Теперь девушка играла уже не знаменитые этюды – она плавно перешла к импровизированному исполнению песен своих любимых рок-групп, глядя все в те же свои миры, вспо-

миная Феликса и Лондон и мечтая, чтобы он приехал или чтобы она приехала к нему. Правда, в эти мысли вновь каким-то образом вклинился Саша, но Марта не без труда сумела выгнать его образ из своей головы – исполнила упругий рикошет так, словно отбросила от себя мяч, который, весело подпрыгивая, обрисовал красивый, но резкий отрывок из «Каприза № 5» Паганини, а после снова вернулась к исполнению современных песен в скрипичном варианте.

Резко прервав саму себя и обозвав идиоткой, Марта вытащила из стола листки с партитурой, которую нужно было знать, и принялась за ее разучивание. Энтузиазма, конечно, стало меньше, но ноты, как, впрочем, почти всегда, запоминались влет.

А после, уже засыпая в своей уютной кровати аж с тремя подушками, Марта, обнимающая одну из них, неожиданно подумала, что Саша, наверное, тип вредный и упрямый, раз она с трудом прогнала его из своих мыслей даже с помощью музыки. Почти сразу после этого она провалилась в мир Морфея.

* * *

Карлова-младшая была права. Александр Дионов действительно был человеком настойчивым и очень упорным, а потому Нику в покое оставлять не собирался. В течение почти двух недель, пока его не было в городе, Саша пару раз звонил своей бывшей девушке, аж дважды послал ей цветы домой, приведя в восторг ее маму, а также приглашал в лучшие заведения города, но все-таки так и не добился согласия Ники на свидание. Ей, конечно, его интерес импонировал – если честно, Карлова любила находиться в центре внимания, но ее врожденная мстительность никак не соглашалась делать приятное тому, кто однажды предал ее. Сделал раз – без особенных угрызений совести сделает и второй. И вообще, почему она должна плясать под его дудочку? Он ей кто? Никто. Призрак из юношеского прошлого. По крайней мере так со смехом говорила девушка кузине и своим подругам, которые, конечно же, были в курсе всего того, что с ней происходило. «Я боюсь иметь отношения с этим человеком», – объясняла она приятельницам, сидя в выходной день с ними в шумном кафе, делая маленькие глотки текилы через пеструю оранжевую соломинку и одновременно убавляя звук трезвонящего мобильного – бывший вновь ей звонил, а Нике не очень хотелось отвечать ему.

К тому же она интуитивно знала – Саша еще и еще раз перезвонит ей, и будет делать это до тех пор, пока она не ответит ему, поэтому девушка не боялась, что он вдруг пропадет, и вообще ей нравилось его мучить. К тому же Александр хоть и очень изменился и стал взрослее, но вот это упрямство в следовании своих целей в нем осталось прежнее. Пока не добьется своего, точно никуда не денется.

Он из тех, кто будет стучать в дверь до тех пор, пока ему не откроют. А если открывать не станут, то Александр вполне может и выбить свое временное препятствие. Сил ему на это будет не занимать.

– Что, опять звонит твой бывший? – со смехом спросила одна из подружек-сокурсниц Нику. Та кивнула и состроила рожицу, говорящую о том, как сильно надоел ей Саша.

– У тебя всегда такие парни прикольные попадают, – заметила еще одна девушка, покачивая головой в такт громкой музыки. – Помните, мы на шашлыках были пару лет назад, за городом, и за Никой тип один приезжал?

– А, тот высокий, светленький, миленький, – вспомнилось третьей Никиной подружке, сидящей с ней за столиком, – мрачный и крутой?

– Да-да-да, тот самый! Он приехал к нам на своей машине, нам так небрежно сказал: «Привет и пока», взял Нику за руку и потащил за собой.

– А за Никой тогда еще кудрявый ухаживал, – подхватила вторая подруга, – помните? Так мне казалось, что светленький ему вмажет!

– Точно-точно! Это так забавно смотрелось!

Ника внутренне напряглась. Воспоминания о Кларском ее нервировали. Она пришла в кафе расслабиться, забыть о прошлом, которое и так решительным образом надоедало ее памяти и мешало жить так же беззаботно, как и ее веселые беззаботные подруги. Но увы.

– Ник, а куда тот парень-то светленький делся?

– Мы расстались, потому что не подходили друг другу, – стараясь улыбаться, ответила Ника, все больше раздражаясь. Правды о Никите она никому не говорила.

– Жа-а-алко, вы хорошо вместе смотрелись, – вздохнула одна из подруг. – Так к бывшему своему, к Саше, ты возвращаться не хочешь?

– Чтобы он опять меня кинул, Даш? Пятый раз говорю – не хочу. Он мне не нужен! – отрезала Карлова и залпом, уже без помощи трубочки, допила текилу. Она была в растерянности и не совсем понимала, что вообще происходит и что ей делать. И никак не могла взять толк, почему вдруг Сашка вновь обратил на нее свое драгоценное внимание. Случайно увидел и понял, что не разлюбил, так, что ли? Это бред.

И что бы ни говорила Ника другим, однако сама себе все же отдавала отчет в том, что больше боится отнюдь не повторного предательства Саши и не настоящих причин, сподвижных его чувства к ней, а того, что она вновь начнет испытывать к нему симпатию – или, не дай Боже, любовь. И если все опять закончится так же печально, как и с Никитой, она, наверное, навсегда будет обречена остаться в гулком тусловом одиночестве.

«Какого фига я мучаюсь непонятно из-за чего?! – прокричала про себя девушка. – Мне двадцать три, я свободна и симпатична, почему я должна быть одна?! Да еще и страдать из-за каких-то козлов! Я буду веселиться!».

– Виски с колой, пожалуйста, – сказала она бармену, молодому, симпатичному парнишке, подозревая его. – А лучше сразу двойную порцию.

– Ты что, решила напиться? – поинтересовалась одна из подруг, та самая, что первой вспомнила Никиту.

– Немного выпить, чтобы взбодриться, – отвечала ей Ника, решившая, что в этот вечер она должна повеселиться. Да и музыка с небольшого танцпола доносилась заводная.

Виски подействовало бодряще. Настроение девушки улучшилось, в крови закипела энергия позитива, в голове появилась долгожданная легкость, смешанная со струйками радости, а на ресницах осел туман – его в большом количестве выпускали на клубной площадке танцпола, куда Ника и одна из ее подруг по имени Дарья перебрались после кафе – другие девушки ехать туда с ними отказались. Одна сослалась на то, что ее дома ждет новоиспеченный и скорее всего, голодный супруг, а вторая со вздохом призналась, что молодой человек, с которым она сейчас встречается, крайне отрицательно относится к каким-либо ночным вылазкам. Услышав это, Ника заявила:

– А одной быть все же лучше. Вот она, свобода! Никаких ограничений.

Даша была с Никой согласна, а вот занятые девушки, переглянувшись, синхронно с некоторой ноткой превосходства подумали, что никакая это не свобода, а простое женское одиночество. Впрочем, до их мыслей Нике не было никакого дела. Она разошлась и жаждала веселья, а потому и поехала в ночной клуб «Эскадра», на танцполе которого двигалась так энергично, словно это был последний танец в ее жизни. Правда, Даша сначала уговаривала Карлову двинуть в знаменитый «Алигъери», но у Ники слишком много было воспоминаний, связанных с этим заведением и Ником (чего только стоит идиотский наркотический коктейль, который она случайно выпила в кабинете управляющего «Алигъери»!). Поэтому она выбрала другой клуб, где еще ни разу в жизни не была, и уговорила, нет, даже почти заставила Дарью ехать именно туда, пообещав угостить коктейлем «Б-52».

Ника, облаченная в приталенное, с низким вырезом платье из черного шифона, простое, но довольно элегантное, чтобы подчеркнуть естественную красоту, и достаточно открытое, чтобы выглядеть в клубе стильно и не теряться на фоне других любителей ночного веселья, выглядела очень привлекательно, впрочем, и ее подруга Даша от светловолосой не отставала. Темное каре, большие серые глаза, пухлые алые губки – Дарья считалась очень привлекательной девушкой.

Поэтому немудрено, что через пару часов танцевального безумия девушки познакомились с парнями. Их было тоже двое, и выглядели они вполне прилично. Красавчиками в прямом смысле их нельзя было назвать, но у одного из ребят была чудесная обаятельная улыбка и глаза человека, обожающего экстрим и приключения, а высокая подтянутая фигура второго – кстати, профессионального боксера – так и заставляла многих девушек обратить на него внимание и восхищенно качать головами.

По негласной договоренности Даше достался боксер Константин, парень очень вежливый и приятный в общении, а Нике – харизматичный светлоглазый обаяшка со звучным, как ей казалось, именем Стас, хотя первое время Карлову так и подмывало сказать вслух крутившуюся в уме рифму к его имени. И рифма эта была совсем не безобидной.

Ребята провели вместе несколько довольно веселых часов, то пропадая на танцполе, то куря кальян и расслабляясь, то просто болтая: ни о чем и о жизни одновременно. Кажется, они все четверо были довольны встречей и наслаждались временем, проведенным вместе. А Ника даже спустя какое-то время с восторгом подумала, что ее новый знакомый ничего так: веселый, умеющий поддержать беседу и в меру милый – в общем, гораздо лучше всех предыдущих парней, с которыми она знакомилась раньше, пытаясь заглушить боль постоянно ноющего, как больной коренной зуб, одиночества. Она даже оставила Стасу номер своего телефона, что делала крайне редко, а обладатель обаятельной улыбки пообещал Нике, что пригласит ее в одно классное местечко – он, как оказалось, занимался в свободное время скалолазанием, да и вообще имел кучу хобби – например, играл на гитаре в собственной группе.

Правда, как чуть позднее оказалось, их гипотетическим свиданиям так и не суждено было произойти. Естественно, кое-кто постарался ограничить Нику в контактах с другими молодыми людьми, и этого кого-то звали Сашей.

– У тебя ведь девушки нет? – спросила на всякий случай довольная Ника, сидя вдвоем со Стасом на диванчике за столиком. Даша с Костей находились на танцполе.

– Естественно, нет. Стал бы я знакомиться с кем-то, если бы у меня была подруга? – пожал плечами тот. Конечно, Стас не был так накачан, как его друг-боксер, но фигура его Нику полностью устраивала: достаточно широкие плечи и сильные руки, предплечье одной из которых обвивала замысловатая черная татуировка-надпись, выглядывающая из-под рукава футболки. Нику она очень заинтересовала – так, что ей даже захотелось потрогать татушку. Она, кстати, и сама была не прочь сделать себе татуировку, даже уже присмотрела в Интернете то, что хотела бы видеть на себе, да все руки у нее до этого все никак не доходили.

– А почему ты задаешь этот вопрос? У тебя кто-то есть? – спросил Стас.

– Нет, я одинока и в своем одиночестве несчастна, – с улыбочкой отвечала ему Ника. Флиртовать она умела – это даже как-то само собой получалось порой, главное, чтобы нужное настроение было.

– Давно одна?

– Давно, – кивнула Ника, покачивая черной лакированной туфелькой на высоком каблучке с красной подошвой в такт техно-музыки, которая так и звала народ в свои жесткие электронные объятия, то и дело бьющие электрическими разрядами в чьи попало сердца. – А ты?

– Не знаю, давно ли это для тебя или нет. Полгода, – глядя на ее раскачивающуюся туфлю, отвечал Стас. – Из-за чего расстались? Или это секрет?

– Что тут секретного? Он просто уехал. Переехал в другой город, – думая о Нике, а не о Саше, отвечала Ника. Подумаешь, сказала немного неправду...

– А-а-а, – догадался Стас, – любовь не выдержала расстояния?

– Что-то типа того. А ты почему со своей расстался?

– Изменила, – коротко отозвался парень, и в его голубых – как и у самой Ники – глазах блеснула рассерженная молния, которая тут же скрылась в облачности из потерянности. Если глаза Карловой были ближе к цвету неба, то глаза Стаса – к стали.

– Ну и дура, – не смогла промолчать Ника, которая иногда была совершенно невыдержанной. Стас ей искренне понравился – не только внешне, но и внутренне. Было в нем что-то такое зажигательное и доброе одновременно.

– Да ладно. Что было – то прошло. Поезд назад по рельсам не поедет. Он только вперед мчится, – рассмеялся невесело молодой человек, запуская руку в небрежные, чуть растрепанные пшенично-русые волосы средней длины.

– А ты что, – с любопытством спросила Ника, – поезд?

– Типа того. Локомотив. Ташу всех за собой. Выпьем за тебя? – поднял свой бокал с виски Стас.

– Давай, – с улыбкой согласилась Ника. Может быть, сильной искры к этому парню у нее нет, но ведь все еще впереди, так? Господин Укроп ей тоже не сразу понравился. Она его едва ли не возненавидела, почти сразу, как только они оказались в той тачке, которую вел красивый синеглазый мальчишка Дэн Смерч.

– Ты мне нравишься! – сообщил ей Стас чуть позднее уже на танцполе громким голосом – чтобы перекрыть пульсирующие басы музыки.

– А мне нравится твоя татушка! – подмигнула ему Ника. Хоть ноги у нее и болели, чувствовала она себя отменно, в который раз понимая, что духовное зачастую во много раз сильнее физического.

– Да? – обрадовался парень. – Приходи ко мне в салон, сделаю такую же!

– Ого! Ты что, татуировки делаешь? – восхитилась Ника.

– Ага.

– Ух ты! Как круто! Скидка мне будет?

– А как же, – в ответ подмигнул ей Стас, увлекая за собой в гущу танцпола, еще больше покоров сердце Ники. Правда, оно, это противное сердце, все никак не получало долгожданной искры, что обязательно должна была проскользнуть между людьми, которым хотелось бы быть вместе. Сердце отчего-то считало, что Стас может стать хорошим другом, парнем на пару ночей, но никак не любимым. Однако Карлова была терпеливой девочкой.

В пятом часу утра веселые и смеющиеся Ника, Даша и их новые знакомые вышли наконец из душного шумного клуба на улицу, окутанную прохладой низких звезд и тонкого серебряного месяца, вокруг которого наподобие колпака и мантии струились полупрозрачные облака. Ночью шел небольшой дождь, а поэтому Ника с удовольствием втянула носом свежий воздух.

Они заранее вызвали такси, и теперь два автомобиля дожидались их у обочины совершенно пустой дороги. Попрощавшись и напоследок немного пококетничав с парнями, девочки, хихикая и перебрасываясь шутками, сели в одно такси, молодые люди – в другое.

«Хорошо повеселилась, я – молодчинка», – подумала про себя Ника, откинувшись на спинку кресла заднего сиденья, и прикрыла глаза, на которые был нанесен обильный макияж. Ее подруга принялась нетрезвым, но довольным голосом рассуждать о том, что они не зря сегодня побывали в клубе и познакомились с хорошими и интересными парнями.

Девушки не видели, как такси с их новыми знакомыми, которое направилось в противоположную сторону, было подрезано темно-серым, с влажными от дождя боками хэтчбеком, похожим на стремительную змею, вынырнувшую из своей тайной норы за добычей, не подозревающей о нападении. Автомобиль этот действительно появился перед такси неожиданно, как будто бы и правда доселе где-то прятался.

Водитель такси, где сидели Костя и Стас, выругался, нажал на тормоза и остановился. Ситуация ему очень не понравилась – многолетний шоферский нюх прямо говорил ему об этом.

«Высаживай парней и уезжай, – шептала ему интуиция, – это по их душу».

– Вот же черти, чуть не задели!

– Что такое? – спросил настороженно Стас, глядя, как из хэтчбека неспешно вылезают трое здоровых парней и один важного вида хлюпик неопределенного возраста, чье тонкое дерганое лицо украшали стрелки нервных усиков. Облачен он был в расстегнутый дорогой серый пиджак, который болтался на нем, как фуфайка на огородном пугале, но несмотря на свой забавный внешний вид, видимо, именно этот человек был среди бугаев за главного. Прислонившись к боку машины, он что-то небрежно сказал им, и накачанные парни, набывшись, направились к такси. Один из них, буравя немигающим взором лобовое стекло такси, пальцем поманил ребят к себе. Жест его нельзя было назвать чересчур агрессивным, но видно было, что Костю и Стаса зовут выйти из машины не для того, чтобы вручить им букет роз или путевку в Таиланд.

Ситуация водителя страшно напрягала.

– Не за вами они, а? – нервно спросил он, подозрительно поглядывая на пассажиров. – Может, в клубе своем кому насолили? Ребятки, мне это... неприятности не нужны. Если натворили чего – вылезайте и сами разбирайтесь.

– Разберемся, – хмуро проговорил Костя, смерив тяжелым взглядом пугливого водителя, сдвинул брови и первым вылез из машины. Стас, усмехнувшись, вылез следом за ним. Водитель же, ловко вывернув руль и заехав на тротуар, уехал куда подальше и был таков. Чужие разборки ему были безразличны. Главное, чтобы не пострадала тачка. Возможно, многие назвали бы его поступок не шибко-то и хорошим, трусливым, но во всем есть своя обратная сторона, у каждой медали, несмотря на то, из какого металла она была выплавлена: из меди ли или из платины. Шоферство, например, было единственным источником дохода большой семьи водителя, поэтому он и уехал, стараясь отодвинуть совесть в глубь сознания. И это у него хорошо получилось.

– Что надо? – не слишком доброжелательным голосом спросил тем временем Костя у тощего субъекта в дорогом пиджаке, как и Стас, безошибочно выделив в нем главаря.

– Ты повежливее будь, – поморщился тот, закуривая сигарету, которую достал из такой же помятой, как и его пиджак, пачки. Голос мужчины, которому на вид уже было хорошо за сорок, был высоким, с ворчливыми интонациями и не слишком приятным.

– Что надо? – присел в дурашливом полуреверансе Стас. – Так вежливее?

– Вашу мать, – внезапно закатил глаза тощий мужчина, – одни клоуны в этом городе. Кого не встретишь, каждый со своими номерами да фокусами. Надо всех вас собрать и шапито открыть. А? Как идея?

Стас и Костя удивленно переглянулись. Они не понимали, зачем эти люди во главе с усаатым чудиком заставили их покинуть такси. Активной агрессии качки пока к ним не проявляли – просто настороженно смотрели на друзей. Хотели бы избить – сделали бы это сразу. Да и водителя такси, как свидетеля, не отпустили.

– Так что вы хотели? – поигрывая ключами, спросил Костя.

– Поговорить хотели, – отлепился от бока автомобиля мужик в мятом пиджаке и замысловато выругался по матушке – на серой недешевой ткани остались темные мокрые разводы.

Усатый любитель дорогой одежды как-то не подумал о том, что после дождя машина влажная.

– Поговорить? – поднял светлую бровь Костя. – О чем? Вы вообще кто?

– Малой, не кипятись ты так. Сейчас все растолкуем. Да, ребятаки?

Накачаные молодые люди молча кивнули.

– Так, парни, – выбрасывая сигарету, высоким голосом проговорил явно странноватый субъект, стаскивая с себя мокрый пиджак и являя миру белую изрядно помятую рубашку и полосатые подтяжки. – У нас проблемы.

– Проблемы? – нагловатым тоном спросил Костя, оценивая противников профессиональным бойцовским взглядом. – И с чем они связаны?

– С чужими женами, – вручив пиджак одному из парней, вновь закурил визгливый хлюпик, который казался Стасу и Константину не пугающим, а забавным.

– С кем? – не поняли парни. Они удивленно переглянулись, не понимая, что за дрянь такая происходит вокруг них.

– С женами. Ну, жена. Супруга. Благоверная. Дальше продолжать?

– Не надо. Что за жены? – удивленно спросил Стас.

– Мы не женаты, – подхватил Костя, который все явственнее понимал, что разборки драки не будет. Слишком все расслабленные.

– Ну и молодцы. Не торопитесь в этот ад, котлы там для вас всегда найдутся, успеется вам, – явно имел какие-то плохие воспоминания о совместной жизни мужчина. – Короче, ребяташки! – Он приблизился к молодым людям и заговорщицки произнес: – Не якшайтесь с чужими женушками.

Повисла удивленно-напряженная тишина. Друзья явно не поняли, к чему клонит мятый дядька. И даже блекнувший на небе месяц этого не понял.

– А мы и не якшаемся, дядя, – хмуро проговорил Костя, у которого были свои представления о чести и порядочности настоящего мужика. Вообще Ника и ее подруга были правы насчет этих ребят – они были неплохими, перспективными и, что самое главное, – свободными, как усиливающийся ветер, ругающийся с верхушками деревьев и забирая у них один за другим листья.

– Ну, это ты не якшаешься, а вот дружан твой якшается.

– Что вы несете? – посмотрел на него, как на сумасшедшего, Стас.

– Ниче я не несу, – заявил тот и, ткнув парня в грудь, начал толкать длинную речь. – Все, финита... это... как ее... ля комедия! Сегодня ты, друг мой, с девицей в черном платье общался? Да?

– С Никой? – нахмурился Стас.

– С Никой, Никой. Карловой Никой Владимировной. Вот с этой! – И чудик продемонстрировал изумленному Стасу фото Ники, сделанное неизвестным, но явно умелым фотографом в тот момент, когда она даже и не ожидала этого. – Узнаешь?

– Допустим. И что?

– Моего босса это жена. Попросил за ней приглядеть, пока он по делам отчалил из города, – безбожно врал дядька, и получалось это у него очень хорошо. Наверное, поэтому он в своем бурном прошлом столько раз обманывал доверчивых граждан, разводя их на деньги. С такой же ловкостью этот человек мог вскрыть почти любой сейф, хотя в последнее время говорил, что завязал с этим. Правда, представители правоохранительных органов ему как-то мало верили.

– Ника разве замужем? – недоверчиво спросил Стас. Девушка ему реально очень сильно понравилась – с ней было легко и невероятно комфортно. И он действительно хотел позвонить ей и позвать на свидание.

– А что я, – натурально вспыхнул помятый мужчина, – врать буду? Мне это зачем, потвоему? Думаешь, в удовольствие мне за Никой Владимировной следить да за всеми ее мужиками?

– А где ее муж? – встрял Костя, удивленный не меньше Стаса.

– Где-где. Сидит. На зоне он, значитца. Общак там держит. Временно, – добавил для пущего эффекта хлюпик и добавил важно: – Но адвокаты наши работают. Скоро выпустят босса. Годика через пол.

Эти слова произвели неизгладимое впечатление на двух друзей.

– Постой, Ника мне сказала, что она свободна!

– Да много чего наша Ника Владимировна скажет! – топнул в неподдельном негодовании дядька с подтяжками. – Пока муж ее на зоне парится, ищет себе мужиков. Обычно помоложе старается, несовершеннолетних там. Да вот сегодня ее на ровесничков потянуло.

– Что за бред? – взлохматил волосы Стас, никак не желая поверить в услышанное. Только после расставания с бывшей нашел приличную девушку – и вот тебе, оказалась женой какого-то местного уголовника. Нормальных девчонок совсем не осталось? Ему что, за приличными в библиотеку идти или в театр? Глупости какие. Что за...

А Костя тем временем осторожно спросил:

– А подруга ее? Она...

– Дашка-то? А, та еще шалава, – беспечно махнул рукой задохлик и злобно оклеветал законопослушную и очень хорошую девушку. – Клофелинщица. Широко известная, так сказать, в узких кругах личность. Не слыхали? Дашка-клофелинщица? Нет? А зря. Врага надо знать в лицо. Молодая – а уже три ходки. Я уже сколько раз Нике Владимировне говорил с этой шаромыгой не общаться, так нет же. Вдвоем приключений на пятые точки ищут!

– Черт, – пробормотал Костя, которому Дарья тоже успела запасть в душу. – Черт. Это прикол? Шутка?

– Клоуном не подрабатываю, – огрызнулся мужчина и вздернул длинный нос. – Закончились шутки. Короче, парни. Если чисто по-нашему, по-мужски, – не общайтесь вы с этими шалавенциями. А если по-деловому – с Никой Владимировной не встречайтесь. Это типа как предупреждение. В следующий раз они, – короткий кивок на троих парней, – с битами будут. Ничего личного, ребятки, – такая у меня работа. За женами следить.

– Понятно, – медленно произнес Стас, который чувствовал, что ему в душу плюнули. Плечи его опустились, а дыхание от праведного негодования стало тяжелее – даже сломанное ребро, которое он повредил как-то на тренировке, заныло.

– Ну, тогда покедова, – Дядька понял что выполнил свою миссию – отвадить от Ники мужиков. Зачем – он и понятия не имел. Сказали – надо так сделать. Ну и наказали еще и защитить девчонку при надобности – если какие эксцессы возникнут. Их, правда, не было. Форс-мажор возник только сегодня, когда ее, даже и не подозревавшую о слежке, понесло в клуб.

Стас и Костя, не прощаясь, пошли назад. Они явно были поражены женским вероломством, и им даже не слишком сильно хотелось разговаривать, хотя в сердцах обоих парней пылали настоящие пожары злости. Мужчина, что старательно разводил их, это понимал и со скользкой улыбочкой удовлетворения наблюдал, как один из них – высокий и русоволосый стирает в мобильнике чей-то номер телефона. Наверняка Никин. Надо будет проследить, чтобы парнишки не сунулись к ней. Вообще сам он считал, что любых ухажеров этой дамочки можно было отвадить старыми добрыми кулаками, кастетами да битами, но друг Макса, нахрапистый и совсем еще зеленый парень, одетый, как понтующийся фронт-бизнесмен, которому, собственно, за девчонкой и понадобилось следить, предоставил им определенный план действий, которому нужно было следовать. Физическая сила там прописана не была, поэтому и приходилось лепить всякую муть.

– Как же они мне все надоели, – пожаловался чуть погодя хэтчбэку мужчина плаксивым голосом, выкуривая третью сигарету. – При Марте все было как надо, все как у людей. А щас все вместе пытаемся быть законопослушными и фигней страдаем коллективно. Да Март меня никогда бы следить за чьими-то девками и женушками не отправил! А все этот петушила Макс, чтоб его, козла... – Тут дядька трусливо оглянулся по сторонам – не слышат ли его неосторожного высказывания «быки», которые почти уже две недели сопровождали его в слежке за девчонкой. Оказалось, они не слышат – разговаривают глухо о чем-то своем.

Мужчина от души и очень замысловато, в несколько этажей, выматерился, пнул мощное колесе молчаливой машины и первым уселся в нее.

Нет, этот город действительно медленно, но уж как-то слишком верно превращается в шапито. Вот-вот, глядишь, афиши уже всюду появятся.

* * *

Даша и Ника так и не смогли понять, почему парни не перезвонили им, как обещали, и более того, даже не отвечают на их сообщения. Ведь все так здорово начиналось... Даже более чем здорово!

– Наверное, мы им просто не понравились, – с тяжелым вздохом сказала через пару дней Даша подруге по телефону. – А я бы могла в него влюбиться. Наверное, не судьба.

Ника на это ничего не ответила. Размышления о роке и фатуме она в последние два года терпеть не могла. И ощущение того, что она чем-то похожа на Ариадну, оставленную Тесеем по велению богинь судьбы, все никак не покидало девушку. И ее собственная Северная Корона – кольцо из белого золота с россыпью бриллиантов, подаренное Никитой, – неустанно напоминала Нике об этом, обжигая своими бриллиантами кожу ее пальцев в те редкие моменты, когда девушка доставала украшение из обитой темно-синим бархатом коробочки, лежащей в самом укромном уголке нарядного туалетного столика, подаренного заботливыми родителями на один из дней ее рождения.

Ника нечасто рассматривала кольцо, которое, словно волшебный артефакт, тут же активировало ее память, коварно подсовывающую образ Никиты, и никогда не носила его, хотя могла бы, например, надеть изящное украшение на выпускной вечер в университете или на юбилей папы, который он с шумом праздновал в одном из ресторанчиков. Ника никому даже и не показывала свое неожиданно свалившееся на голову сокровище, украшенное загадочно искрящимися бриллиантами, чтобы никто не задавал глупых вопросов о том, откуда оно взялось и сколько стоит. А стоило оно немало – девушка специально сходила в пару ювелирных магазинов, ища глазами подобные кольца и рассматривая их ценники. Они Нику поразили – так, что она даже сходила к оценщику, подумав, что прощальный подарок Никиты не может быть таким дорогим. Оценщик, однако, внимательно рассмотрев золотое украшение, цену назвал еще более высокую, и пораженная девушка, сжимая пальцы, тогда невольно подумала, что быть таким щедрым по отношению к ней – это очередное преступление Кларского! Он что, не мог купить что-нибудь подешевле и попроще? Или хотел на том проклятом благотворительном вечере выглядеть неимоверно крутым, а она, как его сопровождающая, должна была соответствовать его образу?

– Ты совсем не переживаешь, что этот Стас тебе не перезвонил? – продолжала допытываться Даша Нику, сидящую как раз перед туалетным столиком и поглаживающую пальцем холодное белое золото своей персональной Северной Короны. Сегодня был один из тех редких дней, когда она любовалась украшением, зная, что даром это не пройдет – злобредный Укроп ей или приснится, или на пару дней слишком прочно обоснуется в ее голове.

– Мне неприятно, – правдиво отвечала Ника, которую скорее слегка злили невыполненные обещания Стаса и его приятеля-боксера. – Но убиваться по этому поводу не буду. Не перезвонили – это их проблемы, а не наши.

– А мне обидно, что они нас так бортанули, – почти всхлипнула впечатлительная Даша. – Мне Костя понравился так... И целуется он классно.

– Отставить сопли! Знаешь, сколько еще таких Кость на свете? Найдешь себе и получше, чем он, – тут же отреагировала Карлова, которая не слишком любила, когда ей кто-то ныл под ухом, тем более из-за ерунды. К тому же настроение этим вечером у нее было не самым хорошим, даже мрачноватым. Она устала после работы, поссорилась с мамой, страстно желающей познакомить дочь с сыном своей подруги, с которой они вместе работали в частной стоматологической клинике.

– Ну почему так, это ж несправедливо? И, главное, Костик трубку не берет! Вообще ничего не понимаю.

– Просто пойми одно – они бараны. Особенно этот Костик, раз упустил шанс поближе познакомиться с такой девушкой, как ты, – немного резко выпалила Ника, желая подбодрить подругу, а та опять принялась вздыхать и сетовать на судьбу и невезение в достижении женского счастья.

Девушки вскоре распрощались, и уставшая от разговора Ника отбросила мобильник на столик, вновь взяв в руки кольцо, которое вот-вот грозило взять на себя функции четок – когда хозяйка держала его в руках, касаясь то прозрачных камней, то металла, она успокаивалась и погружалась в себя. Однако почти тут же ее телефон зазвонил вновь, и девушка, думая, что это вновь надоедает ей ее беспокойная подруга, не глядя на экран, нажала на зеленую кнопку и не без раздражительности проговорила:

– Слушай, забей ты уже на них! Мы других парней найдем! Поняла меня? И не смей хныкать из-за дураков! – Ника, не сдержавшись, пафосно добавила: – Надо, чтобы дураки хныкали из-за тебя, понятно?

– Понятно. А ты всегда такая вежливая? – раздался в трубке знакомый голос, принадлежащий не Дашке, а Саше. Ника про себя от изумления выругалась. Снова он! Да сколько можно?

– Опять ты?

– Опять я.

– И что тебе нужно?

– Я, как и говорил, приехал в город. Когда тебе будет удобно встретиться? – не уточняя, хочет ли вообще встретиться с ним Ника, спросил Александр. Тон его при этом, как и всегда, был насыщен уверенностью.

– Просто отлично! – воскликнула Карлова. – Слушай, Саша, ты что, вообще чокнутый? Я же тебе кучу раз говорила, что я не хочу никаких встреч! Говорила же?

– Да, и что из этого? – нисколько не смутился тот.

– В смысле что?! – не поняла такого прикола девушка. – Ты понимаешь, что ты меня не интересуешь?

Александр позволил себе хмыкнуть в трубку, умудрившись распалить девушку еще больше.

– Ты мне был нужен тогда, четыре с половиной года назад, – продолжала Ника, – когда нашел себе другую, а сейчас у меня иные приоритеты. Понимаешь?

– Понимаю. А еще я понимаю кое-что другое.

– Что? – не поняла девушка.

– Тебе нравится настойчивость. Тебя ведь надо добиваться, не так ли?

Девушка закатила глаза, но внезапно подумала, что, наверное, он прав. Ей нравятся сильные духом мужчины, уверенные в своей победе и упрямо идущие к своей цели, те, кото-

рые могут при необходимости поставить раскапризничавшуюся женщину на место. Наверное, такими качествами обладал и Никита, который первое время вызывал в Нике раздражение и даже злость, смешанную со страхом. Сейчас Саша ее тоже слегка подбешивал, и девушка даже задумалась на пару секунд – а не первое ли это проявление ее будущих симпатий к нему?!

– Ты меня достал! – почти прошипела испугавшаяся такой перспективы Ника и первой бросила трубку, чтобы засунуть кольцо в коробочку и вновь спрятать его в туалетном столике.

* * *

Саша откинулся спиной на мягкий диван, сам себе улыбнувшись краешком губ. Он пару часов назад прилетел в город, встретился с Максом, чтобы обговорить кое-что важное и связанное с их совместным бизнесом, а после, отказавшись от заманчивого вечера, дорогих алкогольных напитков и компании красивых девочек, приехал из «Милсдаря» в свою вечно пустую квартиру, в которой, правда, в последнее время часто тусовался младший братишка. Ему и его друзьям, видимо, негде было устраивать вечеринки, однако следы своего бурного пребывания в квартире они старались не оставлять, хотя внимательный Саша все же их замечал. Правда, запрещать брату таскать сюда друзей и подруг он не стал – сам недавно был почти таким же. К тому же Александр малого любил и с детства защищал – то от отца, то от дворовых недоумков, решивших как-то потерроризировать мелких тогда еще пацанов. Однажды он защитил братишку от смерти. И с этого все началось, хотя малой не виноват. То был выбор самого Саши.

Молодой человек потянулся, разминая мышцы и наслаждаясь каждым своим движением. Он недавно вышел из душа, и до сих пор еще кожа его плеч и торса была влажной, как и его черные волосы. Если бы в этот момент Ника увидела его, облаченного не в элегантный и дорогой костюм и рубашку из тонкого хлопка, а в одни лишь простые темно-синие джинсы с небрежно подвернутыми штанинами, она бы подумала, что попала в прошлое. Теперь ее бывший парень был похож на самого себя почти четырехлетней давности: те же движения, та же манера ходить по дому в удобных штанах и босиком, тот же открытый ноут рядом, на столике. Только прическа была другая и крохотной серьги в ухе не хватало.

Александр задумчиво закурил, глядя в экран ноутбука, к которому в последнее время он крайне редко подходил – не то что во время учебы в универе. Слова Карловой не обидели – чтобы задеть его за душу, нужны были совершенно другие слова, хлесткие, жесткие, желательно брошенные со злостью в лицо, а не сказанные запальчиво по телефону. И поэтому молодой человек просто обдумывал свои дальнейшие действия, куря очередную сигарету, дым от которой важно уплывал в приоткрытое окно, за которым уже было довольно темно.

Скорее всего Ника злится, потому что прошло мало времени и ей не хватило романтики – о ней ведь она говорила в тот раз в ресторане. Видимо, нужно удвоить ее уровень, сделать что-то такое, что сможет заставить Нику стать более благосклонной к нему, доказать ей свои намерения, которые сам Саша считал вполне искренними.

Да, он оставил ее тогда. Но сейчас готов начать сначала. Просто начать.

Молодой человек вновь затаился, наблюдая, как белый дым тянется к приоткрытому окну. Любую женщину можно завоевать – это факт. Нужны лишь желание и знание подходов. Подходы он знал, да и желания у Саши было много – его вообще иногда прямо-таки притягивало то, что казалось ему недоступным. И в данном случае недоступной казалась не только сама упрямая Ника, но и те эмоции и чувства, которые Александр испытывал раньше, находясь рядом с ней – своей первой и единственной любовью, с которой ему пришлось расстаться и с которой он случайно встретился вновь.

Саша сам не осознавал, что гнался за прошлым, хотя считал себя безупречным реалистом, который живет логикой и умеет рассчитать свои и чужие действия.

Он затушил недокуренную сигарету, бросил ее в хрустальную пепельницу – ловко, так, чтобы она не упала на пол, поскольку не любил беспорядка и небрежности в быту, а после отправился в спальню, скучающую по своему хозяину, так нечасто ночующему в ней. Завтра Александр планировал рано встать, чтобы встретиться с важными людьми, сделать пару требующих его внимания дел, связанных с фирмой, а после осуществить первый этап по завоеванию Ники, план которого он уже продумал и держал в уме.

Прохладная серебряно-голубая постель приняла его с теплом, обняв невидимыми руками за спину и по-матерински целуя щеку, которой парень прижался к подушке в неосознаваемом желании перестать находиться в одиночестве.

Сколько бы женщин у Александра ни было – а их действительно было много, – он не делил с ними ночи и не засыпал в одной кровати.

Золотистая луна, полноправная властительница ночного неба, с особенным сочувствием, которое есть только у женщин, обычно тех, которые имеют детей, или у священнослужителей, отрешенных от мирского, посмотрела на спящего молодого человека сквозь стекло окна.

* * *

Еще один человек – светловолосая девушка, в окно которой нежная луна тоже заглядывала в этот поздний вечер и которая тоже никогда не делила свою постель ни с кем, кроме родственников, вспоминала Сашу. В эти минуты она тоже находилась в кровати, обнимая, как и всегда, пухлую подушку в яркой оранжево-розовой наволочке с бабочками, и размышляла над тем, что Нике, наверное, все-таки повезло, что в ее жизни есть вот такой вот чудак с серьезным взглядом, который добивается ее благосклонности. Самой Марты никто не добивался, и, самое главное, этого не делала ее платоническая любовь по имени Феликс, что жила в далеком дождливом королевском Лондоне. Скрипачка переписывалась с талантливым пианистом, желая встретиться с ним и, как и всякая девчонка ее возраста, мечтая о том, что, быть может, он все-таки влюбится в нее. Однако она понимала и то, что Феликс сильно занят – почти все свободное время посвящает музыке, ведь его ждет славное будущее, и он должен заниматься на пианино, чтобы оправдать ожидания своих наставников и родителей. Свои ожидания – а ведь он в глубине души тщеславен, как и все музыканты.

Да и у самой Марты времени на что-то еще, кроме скрипки и учебы, было маловато.

Девушка заснула с мыслями о Феликсе и Саше – а о нем было думать так же приятно, как и о лондонском пианисте, и почему-то при этом хотелось еще и губу закусить, чтобы не улыбнуться. Никин бывший парень хоть и был дураком, все же нравился ей – почему-то его твердый характер воздушной Марте был по вкусу, и хотя она понимала, что у них, конечно же, ничего и никогда не будет, но разрешила себе немного помечтать о том, что однажды около нее появится парень, похожий на Сашу, и подарит такой же красивый букет из роз. Марта провалилась в сон, внутренним взором видя картинку, где она обнимает такую расплывчатую копию Александра, а проснулась с мыслями о том, что сегодня ей снилось что-то до безумия приятное, весеннее, взволнованное, бальное и напоминающее «Звуки весеннего вальса» Штрауса. Чувствовала она себя отдохнувшей и немножко радостной, и даже без особого напряжения, который обычно сопровождал ее раннее пробуждение, встала с кровати. Она сама себе пообещала гармонично провести день и, найдя под кроватью пушистые зелено-синие тапочки, пошла в ванную комнату.

Через полчаса в самом хорошем настроении Марта, вновь благоухая легкими заборными духами, вылетела из дома, умудрившись собраться быстро, чем удивила маму, и напра-

вилась в сторону остановки. Там она умудрилась сесть в полупустой автобус с резвым молодым водителем, который быстро домчал девушку до консерватории. Первые пары в ней тоже прошли на редкость хорошо. Сначала Марта удачно отличилась на практическом занятии по анализу музыкальных произведений, повторила свой подвиг на сдвоенном семинаре по английскому языку и потом хорошо показала себя на репетиции симфонического оркестра младших курсов. Студенты играли под руководством Ивана Савельича – опытного и одаренного дирижера, который являлся заслуженным артистом РФ и членом Союза композиторов. Это был строгий и вспыльчивый мужчина лет сорока пяти, требующий от своих студентов не только отточенной техники и верного исполнения нот, но и работы с музыкой на пределе эмоций. Первое время учащиеся не совсем понимали неистового Ивана Савельича, то и дело прерывающего игру, делающего замечания и требующего пропустить то или иное произведение сквозь душу. Они пугались его гневных нотаций, перерастающих в вопли тогда, когда преподаватель видел, что студенты, не в силах постичь смысл его слов, смотрят на него большими глазами. Терпеть не могли долгих нудных нотаций и критики, перерастающей в оскорбления. Однако со временем студенты все же стали понимать, что именно хочет от них дирижер, и перестали бояться его холерического темперамента. Даже Марта, которая была одной из первых скрипок, к концу первого курса осознала, что их руководитель хоть и на редкость взрывной, но отходчивый и справедливый, и вообще личность творческая, сложная, но интересная.

– Тромбоны! – заорал дирижер, останавливая довольно-таки слаженную игру. – Тромбоны! С ума сошли?! Чего с тактами дурите? А-а-а, – догадался он, – это дурит второй тромбон! Ты зачем своих позоришь? Вы и так опозорены хуже некуда. Хуже вас только флейта. Да, кларнет, молчишь, притихла теперь?

И он принялся давать музыкантам четкие указания: сначала тромбонистам, затем всем «духовикам»: то есть тем, кто играл на флейтах, гобоях и фаготах; следом разобрался с альтистом, а потом со смаком принялся вопить о том, что студенты разленились и играют «полнейшую ересь и зловерный антимзыкальный бред». Преподаватель был так занят наставлениями нерадивых, а учащиеся консерватории так поглощены его криками и эмоциями, что никто и не заметил, как в репетиционный зал заглянул черноволосый молодой человек. Он пару минут постоял около двери, с недоумением глядя на симфонический разношерстный оркестр, который вновь начал игру под руководством разозленного, с мокрым лбом Ивана Савельича, дирижирующего так неистово, словно это было его предсмертное выступление где-нибудь в знаменитом Золотом зале Венской филармонии.

Молодой человек, не без труда найдя глазами фигурку сосредоточенной Марты, чей смычок ловко бегал по струнам скрипки, вдруг улыбнулся и вышел, все же решив подождать. И дело было не в том, что он не хотел мешать, а скорее в том, что оркестровая живая музыка вдруг несколько испугала его, заставив в душе зашевелиться то, что уже давно было похоронено и надежно защищено землей, на которой уже выросла новая трава, кустарники и даже деревья: высокие, тонкие, но с крепкими стволами и стремящимися всеми заостренными своими ветвями вверх, к сумрачному небу. Саша – а это был именно он, ушел, и никто не заметил его, только Марта почувствовала краем сознания, погруженного в мир нот, что кто-то смотрит на нее, но поднимать голову не стала. Она летала на волнах самого Бетховена.

В этот день после репетиции Иван Савельич, тонким нервным указательным пальцем поглаживая острый подбородок, даже похвалил студентку Карлову, что с ним бывало крайне редко.

– Весьма недурственно. Много репетировали? Да, я вижу прогресс, однозначно, – благосклонно посмотрел преподаватель на слегка обалдевшую девушку, а после, умудрившись за локоть поймать студента, играющего на втором тромбоне, ткнул ему деревянной палочкой в плечо и сообщил громко и надрывно: – Куда?! Вам не говорили еще в школе, что звонок

– для учителей, милейший? На вашем месте я бы не убежал с репетиции, а делал кое-что другое?

– Что, Иван Савельич? – захолопал глазами рыжеволосый парень.

– Проваливался бы, – изрек дирижер.

– Куда?!

– Под землю! От стыда! Вы знаете, что такое играть в такт?! И не так громко?! Вы скоро, милейший, перекроете весь оркестр своим неистовым звучанием!

Мечтавший незаметно улизнуть печально вздохнул. Он знал, что играет плоховато или даже слегка отвратно, – но что он мог поделать, если вчера с друзьями в общаге они отмечали день рождения одного из них и наотмечались так, что пальцы у него до сих пор дрожат, а в голове воет ветер похмелья?

– Вы мешали нам всем всю репетицию! Из-за вас мы прерывались сто пятьдесят девять раз! Это не ададжио, это просто ад! – громогласно возмущался Иван Савельич. А дальше принялся учить уму-разуму вторые скрипки.

– Мы пыта-а-ались играть хорошо, – едва ли не хором заявили те.

– У вас слово «пытались» происходит от слова «пытка»! – заявил профессор. – Вы меня ненавидите, но я вас ненавижу сильнее, так и знайте!

И с этими словами дирижер покинул помещение.

Марта, выпорхнувшая из репетиционного зала вместе с Надей и другими подружками в коридор, еще долго слышала громкий голос дирижера, поймавшего кого-то из студентов в коридоре и решившего и ему разъяснить его игру. Девушки, уставшие после репетиции, но довольные, вышли из здания консерватории на улицу, где до сих пор царствовала теплая осень, не спешащая понижать градусы своей температуры и неохотно делящаяся дождями.

Карлова умиротворенно вздохнула, наслаждаясь свежим ветерком. До конца учебного дня оставалось совсем немного – всего-навсего одна лекция по отечественной истории, где можно без зазрения совести вздремнуть, или поболтать с девчонками, или даже залезть в Интернет через телефон. Настроение у нее до сих пор было отменное.

«Вот что значит позитивное мышление», – думала про себя девушка, и ей казалось, что сейчас не осень, а самая настоящая весна. Кажется, певчие птички тоже так думали и чирикали что-то восторженно-радостное. Словно в темпе аллегро.

Хотелось любви и смеха. Да и влюбленных вокруг было много.

Откинув со лба прядь длинных волнистых волос, Марта с любопытством посмотрела на проходящую мимо яркую пару: высокого и очень-очень привлекательного, нет, даже, пожалуй, красивого парня-брюнета с широкими плечами и обаятельными ямочками на щеках, которые, кажется, всегда сопровождали его широкую улыбку, и симпатичную озорного вида девушку с копной светлых волос, едва достигающих плеч, которая громко и заразительно смеялась.

Чем-то эти двое привлекли внимание скрипачки. Может быть, необычной теплой аурой – одной на двоих, а может быть, тем, как они смотрели друг на друга: весело и нежно одновременно. По-настоящему.

Сначала молодые люди шли, просто держась за руки, затем девушка что-то сказала парню – кажется, что-то забавное и, наверное, ехидное, потому что тут же побежала от него прочь, а он пустился следом за ней, быстро догнал, поймал в свои объятия и закружил на месте. Его подруга гневно потребовала, чтобы ее поставили на место, не дождалась этого, обозвала парня «подлым бурундуком», взбешенно поболтала ногами, а после получила короткий, но, видимо, качественный поцелуй, потому что после него тут же успокоилась и посмотрела на брюнета так, как только смотрят действительно влюбленные женщины на своих мужчин. Парень осторожно опустил свою успокоившуюся девушку на землю,

наклонившись, вновь быстро поцеловал, взял за запястье и повел ее за собой дальше по дороге.

Они смеялись. И их глаза искрились от осознания простого счастья – быть вместе.

Это маленькая сценка из чужой жизни смотрелась так мило и романтично, что Марта не могла не улыбнуться про себя. Вот бы и ей найти такого же классного мальчика!

– Он эффективно заставил ее успокоиться одним поцелуем. Наверное, он – бог поцелуев, – мечтательно сказала Надя, которая тоже с интересом наблюдала за этими двумя. Пара была такая яркая, что на них обратили внимание и провожали любопытными взглядами.

– Наверное, такого же хочешь? – поинтересовалась Карлова.

– А то! Такого грех не хотеть!

– Но еще больший грех – иметь его в единоличном пользовании, не делясь с остальными, – вставила вторая одноклассница Марты, и ее весело поддерживали остальные девушки. А светловолосая скрипачка, наблюдая, как парочка переходит дорогу и садится на красно-черный мотоцикл, только вздохнула. Милые.

«Высшие силы! Я же знаю, что вы меня слышите, – подумала про себя девушка, – так что пошлите и мне тоже любо-о-овь! Трудно вам, что ли?»

Они, конечно послали. Только вот потом Марта просила о другом.

– Привет, – раздалось позади нее совершенно неожиданно. Она резко развернулась и увидела Сашу, который, видимо, только что подъехал сюда на машине – в руках у него до сих пор были ключи от нее.

– Ты? – недоверчиво спросила она, уже забыв свое обращение к небесам и гадая, что ему *на этот раз* от нее понадобилось.

Александр лишь кивнул ей и, не дожидаясь, когда удивленные подружки Никиной сестры начнут задавать ненужные вопросы, поманил к себе, после кивнул в сторону парковки, говоря взглядом, чтобы она шла за ним. Девушка спешно покачала головой, говоря, что она никуда с ним не пойдет, но Сашу это не устроило, и он вновь поманил Карлову к себе. Она отошла на два шага назад и с подозрением уставилась на парня. Тот не растерялся, схватил ее за руку – точно так же, за запястье, как минуту назад это сделал парень с обаятельной улыбкой и ямочками на щеках, – и потянул за собой, бросив:

– Пошли, поговорить надо.

– О чем? – не поняла ошарашенная Марта, упираясь как баран.

– Поговорим и узнаешь, – было ей маловразумительным ответом.

– Иди-иди, – крикнула ей в спину Надя, – не расстраивай своего парня!

Марта одарила подружку-предательницу злобным взглядом и пошла следом за черноволосым молодым человеком, который никак не хотел отпускать ее руку. И скрипачка, ощущая на своей тонкой светлой коже, под которой виднелись тонкие светло-синие вены, испугалась вдруг ударивших ее, словно мороз по вишнево-яблочному саду, чувств. Ей было трудно описать их и, конечно же, куда труднее понять, поэтому девушка могла бы сейчас сказать о происходящем только следующее: она находится от наглости Саши в легком ступоре, смешанном со странноватым ощущением того, что такое невинное касание будит в ней целые гвардии непознаваемых эмоций. Но она точно осознавала, что ей было приятно. Пожалуй, слишком.

Саша, не проронившей более ни звука, привел Марту к своему серебряному автомобилю, открыл перед ней переднюю дверь, дождался, пока изумленная девушка сядет в кресло, а после и сам оказался рядом со ней. Скрипачка подозрительно смотрела на него, сведя вместе светлые брови. Парню даже стало смешно – так забавно смотрелась кузина Ники.

– Как дела, сестренка? – спросил он.

– Отлично! – отозвалась она преувеличенно бодро. – А у тебя как? Нику, наверное, ищешь?

– Нет, не Нику, тебя, – ответил Саша и добавил с видом геройствующего по чужой воле злодея: – Я ждал, пока у тебя закончится репетиция. Решил не мешать.

«Какой ты добрый!», – мысленно вызверилась кроткая с виду Марта, а сама спросила:

– И что ты от меня хочешь?

Черноволосый хозяин машины хотел было ответить, но, заметив на ее волосах желто-коричневый крошечный листик, решил его убрать. Он протянул руку к лицу замершей тут же девушки, коснулся ее волос – не мягких, как у Ники, а жестких, наверное, потому что они слегка вились, и вытащил листочек. Светлые глаза Марты неотрывно следили за каждым движением Александра, и девушка напонила ему сосредоточенную кошку, которую он много лет назад, казалось бы, еще в другой жизни возил вместе с младшим братом и матерью к ветеринару. Она точно так же настороженно наблюдала за врачом, который, кстати сказать, в этот момент вслух раздумывал, какой укол ей лучше поставить, и, хоть и вела себя спокойно, готова была убежать в любой момент, дабы затаиться и выжидать, когда опасность в виде врача со шприцем в руке минует ее.

– Чего ты делаешь? – глухим голосом спросила Марта, с огромным удивлением обнаруживая, что ее сердце учащенно бьется из-за такой близости лица мерзкого Саши.

– Думаю, как бы к тебе половчее пристать, – пошутил он совершенно серьезным тоном. – Ты не будешь отбиваться... или мне тебя сразу связать?

– Совсем, что ли?! – сердито выдохнула девушка. – Что ты от меня хочешь? У меня через пару минут последнее занятие будет! Я пошла! – И Марта открыла дверь «БМВ». Александр среагировал мгновенно – он перегнулся через девушку, с силой захлопнув дверь машины, и нажал на кнопку блокирования всех замков.

– Куда? – укоризненно спросил он. – Я еще не поговорил с тобой.

– О чем?!

– У меня есть к тебе просьба.

– Какая же? – удивилась Марта, гадая, что ему опять от нее нужно.

– Позвони Нике и позови ее на свидание.

– А ты извращенец, – не без интереса посмотрела на него девушка. – Прости, я с девушкой, а тем более с сестрой на свидание не пойду.

Молодой человек поморщился, потому как не любил неточности, а сейчас как раз неточно сформулировал свою мысль.

– Не так выразился. Я хочу позвать твою сестру на свидание.

– Так зови, что тебе мешает? – поразила Марта. – Телефон знаешь, адрес и место работы – тоже. Так что зови – не хочу.

– Есть проблема.

– Какая?

– Ника не хочет меня видеть, – не без грусти в глазах усмехнулся Саша. – Я хотел встретиться с ней несколько раз, но каждый раз она отказывала. Сегодня тоже. Поэтому мне и нужна твоя помощь, сестренка. – Он заговорщицки понизил голос.

– Я не думаю, что Ника меня послушает и пойдет к тебе на свидание, – со здоровым скепсисом отозвалась Марта, в душе которой все еще чувствовались эти самые неясные эмоции, вызванные близостью Александра. Ей с трудом удавалось сохранять видимость спокойствия.

– А ты сделаешь по-другому. Просто позвонишь ей сейчас и позовешь на встречу – на встречу с собой. – Саша уставился на Марту, как анаконда на жертву. Подсознательно он понимал, что девушка не сможет ему отказать.

– Я так не могу!

– Можешь! – Внимательные, почти немигающие, как у сосредоточенной на охоте дикой кошки, глаза парня глядели прямо в лицо юной скрипачки, и ей невероятно сильно хотелось отвести взгляд. Потому что когда она видела перед собой его темно-зеленые, с коричнево-кофейными крапинками вокруг зрачков, радужки, она чувствовала себя точно так же, как во время школьных посещений бассейна, когда тренер заставлял подопечных прыгать с вышки: невысокой, безопасной (относительно безопасной), но все равно вызывающей у Марты легкое настойчивое головокружение, проходящее только тогда, когда она оказывалась внизу, рядом с бортиком, держась за него обеими руками.

– Нет! – выпалила она, мысленно накидывая на Сашину шею лассо.

– Да.

– Нет!

– Да-да.

– Да нет же!

– Красивые девушки не должны так громко кричать, – рассмеялся Александр, все же чувствуя свое моральное превосходство над девчонкой с симпатичным личиком, которое, наверное, через пару лет будет взрослым, красивым, но потеряет свое почти незаметное юношеское очарование. А может быть, не потеряет – кто знает этих людей искусства? Они странные, не от мира сего.

Сегодня, когда Саша заглядывал в репетиционный зал, где играла кузина Ники, он понял это на все девяносто девять процентов. Необычные люди эти музыканты, и Марта такая же. Она – девчонка не из его мира, жесткого и пахнущего деньгами и изредка кровью, а из другого, чужого, воздушно-эфирного, чей запах так же нежен и сладок, как едва уловимый аромат духов, что исходит от малышки, нервно потирающей запястье – конечно же, классически тонкое, кажущееся хрупким, способным сломаться от слабого удара ребром ладони. Например, его ладони.

Саша покровительственно усмехнулся про себя. Нет, она, может, и особая, вся такая музыкальная и нежная, но она слабее его. И поэтому сделает то, что ему нужно, к тому же он настроен к ней вполне миролюбиво – Марта же «своя» – и силу применять не будет.

– Сестренка, будь умницей, помоги, – продолжал молодой человек даже с некоторым азартом – с таким, с каким морские пираты берут на abordаж богатое, но слабо защищенное судно. – Просто позвони Нике и позови ее туда, в кафе «Эллипс», часов в семь. Ты бывала там? Оно находится неподалеку от твоей милой академии...

– Консерватории!

– ... напротив здания мэрии.

– Не бывала и звать не буду, – уперлась Марта, не желая опять подставлять сестру. Да Ника ее задушит, если она вновь поможет Саше встретиться с ней!

– Сестренка, ты уже один раз помогла мне. Помог и второй. Тогда нам не удалось побеседовать как следует из-за того, что Ника торопилась на работу. А теперь у нас есть возможность все обговорить и решить, что нам делать дальше.

– Но Ника не хочет с тобой общаться, – почти взмолилась Марта.

– Она просто так говорит. На самом деле она ждет от меня конкретных шагов. Она до сих пор обижена на меня за то, как я с ней поступил. И теперь хочет немного поиграть со мной. – Тон молодого человека был слегка приглушенным, и в нем явственно проскальзывали искусительно-уговаривающие нотки. – Ты ведь сама девочка, понимаешь, как вам важно заставить нас, мужиков, побегать вокруг вас, принцесс. Мне побегать не в лом, даже в кайф. Неужели ты хочешь, чтобы личная жизнь твоей сестры пошла под откос только из-за твоего детского упрямства? Ты подумай, сестренка, если ты поможешь Нике, она будет тебе благодарна.

От этих слов Марта, как говорится вульгарными личностями, коих везде есть достаточное количество, прихренела. То есть теперь она, совершенно посторонняя Александру личность, которая не имеет никакого отношения к его с Никой общему прошлому, окажется виновницей того, что кузина может остаться едва ли не старой девой?

– А я-то здесь при чем? – едва не завyla девушка.

– Помоги мне. – Как оказалось, Александр не зря занимался бизнесом – убеждать он умел и еще как. Это умение он минут пятнадцать оттачивал на светловолосой скрипачке, незаметно и очень мягко, поскольку понимал, что с девчонкой перегибать палку нельзя; используя как метод кнута, так и метод пряника. В частности, он намекнул Марте на то, что видел отличный магазин с музыкальными инструментами, где продаются хорошие и качественные скрипки.

– У меня уже лекция началась, – проговорила нервным голосом студентка консерватории, с тоской поглядывая в окно. Смотреть на Сашу она боялась – вдруг ее вновь посетят эти странные и одновременно приятные ощущения? А ей такого счастья не нужно!

– Так ты мне поможешь?

– Хорошо, – сдалась девушка. – Хорошо! Открой машину, мне пора, правда!

– Позвони Нике, и выпущу. И, конечно же, от меня тебе будет подарок, хороший подарок.

– Я это делаю не из-за подарка, – рассердилась Карлова. – А потому что, во-первых, хочу, чтобы моя сестра действительно во всем разобралась, а не пряталась от тебя, а во-вторых, я опаздываю!

«И, в-третьих, ты мне за свою наглость купишь самую дорогую скрипочку, смерд», – подумала Марта злорадно.

– Звони ей.

– Хорошо. – Скрепя сердце она вытащила из кармана джинсов мобильник и позвонила Нике. По закону подлости та оказалась сильно занята по работе, трубку взяла не сразу, заставив Марту понервничать, а выслушав ее, не без некоторого удивления согласилась прийти.

– Молодец, ты все сделала правильно, – улыбнулся по-братски Саша светловолосой девушке, которая сидела с кислой миной. – Беги на свое занятие.

«Спасибо, Царь», – пронеслось в ее голове, и она вдруг спросила:

– В прошлый раз ты звал Нику в какой-то дорогой ресторан. Почему сейчас обычное кафе?

– Она не дуручка, поймет, что ты не сможешь пригласить ее в «Милсдаря», – отозвался Саша, в душе празднующий очередную маленькую победу – из таких вот крохотных достижений и состоит достижение целей. Любых целей. Главное, не спешить, а просто действовать, пусть и медленно, изредка даже отступая назад, но делать хоть что-нибудь. Бездействие есть провал.

Марта поспешно вышла из разблокированной машины, а Саша еще раз громко, отчетливо выговаривая слова, сказал ей вслед:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.